

СМЕНА

15

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Александр ЯШИН

ВО ИМЯ СЧАСТЬЯ НА ЗЕМЛЕ

Приветствия со всей Отчизны
И спешной почтой и простой
Идут на стройку коммунизма —
На Сталинградский гидрострой.

Нам пишут дети и солдаты,
Колхозники и горняки,
Из Белоруссии девочки,
Из Ленинграда моряки.

Горды доверием народа,
Его поддержкою сильны,
Мы перекроем в Волге воду,
Усилим мощь родной страны.

Такую станцию построим,
Чтоб светом степи залила,
Чтоб слава города-героя
Ещё незаблемей была.

Чтоб беспрепятственно отныне
И на песках хлеба росли,
Чтоб суховеями пустыни
Грозить нам больше не могли!

Мы люди сталинского века,
Для нас начертан путь в Кремле
Во имя счастья человека,
Во имя мира на земле.

и все друзья на нас, как прежде,
Как в дни боёв за Сталинград,
С великой верой, и надеждой,
И с благодарностью глядят.

Неборимы силы жизни.
Идём по ленинским стопам.
За нашей стройкой коммунизма
Следит товарищ Сталин сам.

Планшет работы художника И. Кружнова «СССР — оплот мира»
(Выставка изобразительного искусства Украинской ССР).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 15. 1951 год.

Год
издания
28-й

МИР, ДРУЖБА, ЕДИНСТВО!

Эти три величественных слова, как магнит, притягивают к себе молодежь всех стран, без различия расы и национальности, верований и политических убеждений. 5 августа эти слова с новой силой прозвучат в Берлине, куда съедутся юноши и девушки из более чем двести стран на III Всемирный фестиваль молодежи и студентов в защиту мира.

История юношеского движения знает немало международных манифестаций молодежи, оказавших крупное влияние на человеческий прогресс. Однако берлинская встреча 5—19 августа по своему размаху обещает быть особенно значительной.

Уже самый факт, что фестиваль состоится в Берлине, бывшей цитадели фашизма, говорит о многом. Он говорит прежде всего о том, что нарождается новая, демократическая Германия, новая, миролюбивая молодежь, стоящая на страже дела защиты мира.

Молодежь посылает своих делегатов на фестиваль, давая им наказ заявить во весь голос о том, что она готова оставить дело мира до конца. Молодежь не может не тревожиться, что правящие круги стран агрессивного империалистического лагеря с каждым днем усиливают свои военные приготовления. Она не может спокойно наблюдать, как во все больших масштабах осуществляется вооружение Западной Германии и Японии. Она не может быть безучастной к тому, что западные страны противятся заключению Пакта Мира между пятью великими державами.

Вот почему в этой обостряющейся международной обстановке, как небад, будет звучать своей лозунг фестиваля: «Молодежь, объединяйтесь в борьбе за мир, против угрозы новой войны!»

Этот лозунг приходится не по душе поджигателя войны! Молодежь грозит спутать все их крапленые карты. Отсюда неистовый вой против фестиваля, попытка сорвать его любыми средствами.

Бонноско-американские «правители» поспешили объявить о запрете деятельности в Западной Германии Союза свободной немецкой молодежи. Аденауэру явно не дают покоя лавры кровавого Гитлера. Но молодые немцы отлично разобрались, чего хочет Аденауэр, почему страшит его этот союз. Центральное Бюро Союза свободной немецкой молодежи справедливо обратило внимание на тот факт, что сообщение о запрете союза было помещено в западногерманских газетах с сообщением о том, что верные комиссары в Петербурге и их бонниские пособники пришли к соглашению о создании западно-германской наемной армии численностью в 250 тысяч человек с танками, артиллерией и самолетами. Вот где, оказывается, «сбока задремала! Как же вербовать молодежь в такую армию, если СММ противится этому! Закрыть его! Но, как бы ни хотелось этого американским покровителям немецких реакционеров, СММ не опустит боевого знамени. «Наше место в рядах борцов за мир. Чем напряженнее борьба, тем сплоченнее наша доблестная свободная немецкая молодежь!» — так заявили молодые борцы за мир в Германии.

Прогрессивная молодежь всех стран приветствует это благородное и мужественное заявление своих немецких товарищей.

Но не только немцами аденауэрам мешает демократическая молодежь. Как известно, их французские соратники по лаякству перед американским империализмом недавно замахнулись ни больше, ни меньше, как на деятельность Всемирной федерации демократической молодежи. А что из этого вышло? Силом позорным антидемократическим актом американская реакция и ее приспешники разоблачили лишь самих себя, а федерация продолжала жить и крепнуть изо дня в день, сплачивая вокруг себя молодежные организации самых различных направлений.

Современное юношеское движение сильно прежде всего тем, что оно опирается на сприведую, прогрессивную платформу. Основа ее в том, что движение молодых демократов связывает воедино борьбу за мир с борьбой за улучшение условий жизни молодого поколения. Как бы ни пытались лаяки империализма опутывать молодежь лозья и клеветой на СССР и страны народной демократии, правда пробивает себе дорогу. А правда эта такова, что в лагере империализма положение молодежи становится всё бедственнее, всё бесперспективнее, тогда как в лагере демократии и социализма жизнь молодежи будет ключом, становится всё богаче, радостнее, счастливее.

Советские юноши и девушки возлагают на фестиваль большие надежды, ибо то будет мощная демонстрация единства молодежи в борьбе за мир, в борьбе за светлое будущее. Советские делегаты примут участие во всех мероприятиях фестиваля, в том числе в XI Всемирных студенческих летних играх. Выступления нашей молодежи в Берлине будут наглядной иллюстрацией процветания и духовного богатства советской молодежи, воспитанной ленинско-сталинской партией.

Да здравствует III фестиваль молодежи и студентов мира! Вперед, за единство и дружбу молодежи в борьбе за мир!

Они поедут

На репетиции студенческого симфонического оркестра Московской консерватории. В центре — руководитель оркестра профессор М. Н. Триан.

Фото Ю. Чернышова

НАМ ВЫПАЛО СЧАСТЬЕ

Нам выпало большое счастье: на Берлинском фестивале мы представляем музыкальную молодежь Советского Союза. Многие сейчас забывают спрашивать ребят:

— Ну, как! Готовитесь? Смотрите, что были лучшими!

Весь коллектив студенческого симфонического оркестра Московской консерватории имени Чайковского чувствует себя в празднично-приподнятом настроении. Участники его хорошо подготовлены и представляют собой слаженный, дружный ансамбль.

Характерной особенностью нашего оркестра являются молодость и высокая одаренность участников.

Скрипач комсомолец Антон Шерев из музыкальной семьи. Его отец — профессор Боннской консерватории. Многие перья от отца пытливые, настойчивые юноша. Трудолюбивый и усидчивый, всё свое время отдаёт он игре на скрипке. Антон Шерев на конкурсе в Праге получил звание лауреата.

Впервые поедет за границу совсем юная скрипачка оркестра татарка Халида Ахтямова. Родители её из крестьян при советской власти отстал минименом, и Халида с гордостью называет себя коренной москвичкой: двадцать лет назад она родилась в Москве.

Несмотря на свою молодость, Халида — одна из лучших скрипачек оркестра. Она комсомолка, отличница учёбы. С радостью готовится Халида к своему первому ответственному выступлению на Берлинском фестивале.

«Солдаты» человеком чувствует себя среди оркестрантов, хотя он ещё совсем молод. Слава Александров: он уже кандидат в члены партии и в консерваторию пришёл, имея за плечами опыт фронтовой. Слава успевает делать всё: он хорошо учится, много занимается в оркестре, ведёт большую общественную работу в профком, он стилистический и заслуженно пользуется авторитетом среди студентов.

Директировать этим большим коллективом — а едет 71 человек — будут молодые дирижёры — студент Геннадий Рождественский и аспирант Газиз Дагашев — ученики Н. П. Аносова. Очень молод и концертмейстер оркестра Эдуард Грач, лауреат молодёжного фестиваля в Будапеште.

С чувством глубокой заинтересованности, с вниманием будущее участники фестиваля готовятся к предстоящему празднику в Берлине.

Советская музыка будет представлена лучшими произведениями, удостоенными Сталинской премии: концертом Т. Николаева, концертом для скрипки с оркестром Кабалевского, «Этрусской поэмой» Гольдмана.

Свою предстоящую поездку коллектив воспринимает как высшее доверие нашего народа молодым представителям искусства, как новую возможность применить все свои силы и умение для блага нашей любимой Родины.

М. ТРИАН

руководитель студенческого симфонического оркестра, народный артист Армянской ССР, лауреат Сталинской премии

ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ

Возле ворот дома, на углу, образуемом Пушечной и Неглинной улицами, скромная доска с надписью: «Хореографическое училище Большого театра».

Связь, раскрепощение одна классов доносится знакомые мелодии: Чайковский, Рахманинов, Пучи, Глиэр. Порой вкомпланент обрывается. Это идут последние репетиции участников предстоящего Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Берлине.

Хореографическое училище ГАБТ СССР получило почётное право участвовать в берлинском фестивале.

В этом году училищу исполнилось 178 лет. В историю отечественного и мирового искусства вписаны имена Е. Гельцер, В. Тихомирова, М. Губовича, О. Лепешинской, А. Мессерера — воспитанников училища.

Наряду с мастерами старшего поколения Г. Улановой, М. Семёновой и О. Лепешинской талантливая молодёжь во главе с заслуженными артистками РСФСР Майей Плисецкой и Рамсой Струковой по праву заняла ведущее место в современной школе классического танца.

Традиции классиков русского балета бережно изучают и развивают их наследники — дети тружеников Советского государства. Под руководством опытных педагогов молодые воспитанники неуклонно, из года в год, повышают своё мастерство. В балете «Щелкунчик» в роли Машин совершают пять танцовщиц! На Втором Международном конгрессе Союза студентов в Праге звание лауреата удостоены выпускники училища Л. Богомолова, М. Гирявено, Н. Фёдоров, Н. Попова, И. Усусников, П. Андрианов и Б. Хохлов.

Спектакли «Щелкунчик» (музыка Чайковского) и «Тщетная предосторожность» (музыка Гертца), поставленные исключительно силами студентов училища, вошли в репертуар Большого театра Союза ССР. Юные танцовщицы и танцовщики заняты в 16 балетах и 12 операх, идущих в Большом театре.

Помимо классического танца, в училище изучаются танцы народов СССР. В этом году училище наряду с основным составом подготовило выпуск для Узбекского театра, полностью вошедший в труппу Ташкентского театра. В училище проходит подготовку перые национальные кадры классического балета Корейской и Албанской Демократических Республик.

На Третий Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Берлине от училища поедет 61 человек. Вместе с выпускниками в фестивале примут участие 4 третьеклассника: Боря Берёкин, Таня Мокрова, Жюль Комаров и Лена Черкасская.

На репетициях были отобраны номера для показа на фестивале. В программу включены номера из классического балета.

Танец Океана и Жакоуши из балета «Конёк-Горбунчик» (музыка Пучи) исполнят Нелли Попова, Игорь Усусников и Нина Чистова. В технически сложном «Молодёжном вальсе» (музыка Шмагилера) заняты Алла Щербинина и Геннадий Ледях. Молодостью, силой, пластич-

Отчётный концерт учащихся Хореографического училища. Финал балета «Щелкунчик».

Фото А. Воротынского

ностью отличается труднейшее в техническом отношении па де де из балета «Лебединое озеро» (музыка Чайковского) в исполнении лауреатов Международного конкурса в Праге Людмилы Богомоловой и Петра Андрианова. Па де де из «Дон-Кихота» (музыка Минкуса) исполнит Маргарита Гирявено и Игорь Усусников.

Из народных танцев особый интерес представляют грузинский массовый танец «Симда» и сольный армянский танец в исполнении Эллы Кастерной. С большим задором, темпераментом и простотой исполняется старинным танцем массовая пляска — «Русская».

Коллектив училища работает над грандиозным красочным апофеозом «За мир», которым должно закончиться выступление молодых мастеров советского балета.

Среди множества молодёжных коллективов в Берлин на фестиваль поедет Государственный уральский народный хор. На сцене: солистки хора А. Петрова и А. Устоинкина исполняют шуточные частушки.

Фото А. Батанова

В Германии

Здесь Гейне называют Гайне
На Эльбе, Шпрее и на Рейне.
В Берлин взяла я не случайно
С собой в подсудим томик Гейне.
В своей борьбе в чести он не был.
Так над врагами он смеялся.
Что гитаровский доктор Гоббельс
Его и мёртвого боялся
И расправлялся с ним жестоко,
Его толпал он сапогами.
И Гейне огненные строки
А лишь пересказывал пальма.
Но мы немечку народу,
Простые русские солдаты,
Вернули счастье и свободу
В победы час и в час расплаты.
И вот однажды утром слыши
Шагаа и по Карсскому,
Казалось мне, что я в Берлине
К Москве отсчитываю вёрсты.
В берлинском книжном магазине,
Пробитом на войне снарядам,
Стояли вместе из витрин
Наш Манковский с Гейне рядом!

Сердце Шопена

В стене одного из костёлов Варшавы
Широкая ниша раскрыта, как стена,
И в ней, озарённое яркою славой,
Покоится гордое сердце Шопена.
Когда дни за днями враги заносили
Истерзанной Польше кровавые раны,
От козней врагов это сердце укрывали
И взяли с собой на войну партизаны.
Оно по укамам войны кочевало,
Ему освещали дорогу ракеты,
В холодных землянках оно ночевало,
Суровым теплом партизанского согрето.
Вокруг грохотали бои и атаки,
Земля содрогалась, и падали стены,
Потопивших солдат хоронили поляны
Под траурный марш Фредерика Шопена.
Но рухнула тяжёлая цепь гестапо,
И грянула звонкая песня Победы.
Прегарды сметая, шли смело на Запад
Солдаты России по чёрному сауду.
И Польша усажена в час сокрушений
Московский далёкий салют вечальный,
И снова пьлзуют пламенеи Шопена
Над синие Вислой, над мирной
Варшавой.
Врагам вопреки, раздвигавшим войны,
Окрепла священная дружба народов,
Согретых немеркнущим солнцем
Свободы.—
И сердце Шопена за Польшу спокойно!

Рисунок
Е. Ракункина

ЧТО БУДЕТ НА ФЕСТИВАЛЕ

ПОСЛАНЦЫ МОЛОДЕЖИ ВСЕГО МИРА

В III Всемирном фестивале молодёжи и студентов примет участие около 26 тысяч делегатов из всех стран мира. В работе фестиваля будет участвовать свыше 2 миллионов немецких юношей и девушек. Такого количества участников не было ни на одном из предыдущих фестивалей.

Молодёжь 30 стран направляет своих посланцев в Берлин.

Не считая немецкой, самой многочисленной делегацией на фестивале является французская: в ней более 4 тысяч человек.

Италия и Австрия посылают по 2 тысячи делегатов. Среди них представители различных слоёв молодёжи, разных политических взглядов и убеждений: коммунисты, социалисты, католики, независимые и т. д.

Молодёжь Китайской Народной Республики посылает 320 участни-

ков. Многочисленные делегации придут и из других стран народной демократии.

Одной из самых больших делегаций на фестивале будет делегация Советского Союза.

В её составе около 800 человек — представители всех 16 союзных республик.

1400 юношей и девушек пошлает на фестиваль молодёжь Англии, 500 человек — Шотландия.

Из Соединённых Штатов Америки едут 300 человек — рабочие, служащие, спортсмены, представители религиозных организаций.

Около 300 делегатов прибывает из Кореи, в их числе свыше 150 представителей различных видов искусства, 100 своих представителей направляет в Берлин молодёжь Монгольской Народной Республики.

В честь фестиваля будет проведена эстафета, которая пройдёт через многие страны. Участники её 5 августа прибавут в Берлин.

ПРОГРАММА ФЕСТИВАЛЯ

5 августа не только что остроженом крупнейшей в Берлине стадионе имени Вальтера Ульбрихта, вмещающем 60 тысяч зрителей, состоится торжественное открытие фестиваля. Здесь соберутся делегаты всех стран. Это будет грандиозная, не знающая себе равных демонстрация единства воли и действий молодых борцов за мир.

А затем начнётся обширнейшая программа фестиваля. В распоряжение молодёжи будут предоставлены улицы и площади, театры и кино, парки и стадионы, общественные здания и эстрадные площадки. На протяжении двух недель с утра до поздней ночи в Берлине будут проводиться митинги, собрания, манифестации, встречи, концертные выступления, спортивные соревнования.

По предложению французского и итальянского национальных комитетов подготовки к фестивалю будет проведён день, посвящённый девушкам, их участие в борьбе за мир, а также день дружеских связей с демократической немецкой молодёжью. В этот день члены иностранных делегаций встретятся с тысячами немецких юношей и девушек, посетят германские фабрики и заводы, школы и университеты. В августе исполняется 5-я годовщина со дня основания Международного союза студентов, и в честь этого события устраиваются специальные студенческие мероприятия — большой митинг, концерты и выступления студенческих художественных коллективов и т. д.

Помимо выставок, посвящённых жизни и борьбе молодёжи и студенчества всего мира, во время фестиваля организуются специальные выставки картин, скульптуры и других произведений искусства, созданных молодыми художниками.

Фестиваль закончится 19 августа заключительным митингом, который состоится на самой большой площади Берлина. Все собравшиеся сюда молодые борцы за мир дадут торжественную Клятву Мира.

Митинг молодежи в Будапеште, посвященный окончанию сессии Исполкома Всемирной Федерации демократической молодежи, принявшей резолюцию о подготовке к III Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

ЧТО ПОКАЖУТ МОЛОДЫЕ БОРЦЫ ЗА МИР

С обширной и разнообразной художественной программой на фестивале делегация Советского Союза 400 исполнителей продемонстрирует перед участниками Всемирного молодежького съезда самые различные виды и жанры искусства, примут участие во всех художественных концертах фестиваля.

Фестивалю предшествовала огромная подготовительная работа по отбору участников. Было проведено три отборочных тура Всесоюзного смотра молодых исполнителей. В этом смотре участвовали тысячи юношей и девушек из разных областей и республик СССР.

На фестивале едут пять музыкальных и хореографических ансамблей — хор молодых рабочих Ленинграда, Государственный уральский народный хор, Симфонический оркестр студентов Московской консерватории, хореографическая группа Хореографического училища Большого театра и танцевальный коллектив Украинцев, около 30 музыкантов-исполнителей, свыше 30 исполнителей из всех союзных республик и т. д.

Советская делегация организует на фестивале большую документальную выставку «Советская молодежь в борьбе за мир», выставку произведений молодых художников, покажет ряд лучших советских фильмов, таких, как «Русский вопрос», «У них есть Родина», «Смелые люди», «Мурсорский», «Кубанские казаки», «Далеко от Москвы» и другие.

Группа молодых работников советского кино в содружестве с опытными мастерами создаст полнометражный художественный фильм о III Всемирном фестивале. Издательства «Молодая гвардия» и «Искусство» выпускают к фестивалю книги, плакаты, песни

и открытки, посвященные жизни и труду советской молодежи.

Австралийский танцевальный ансамбль выступит с программой, представляющей в плясках и танцах историю Австралийцев. В кинотеатрах будет демонстрироваться цветной фильм, изобража-

«Флаг мира». На нем вышиты имена итальянских девушек, выступавших за мир, против войны.

ющий подготовку австралийской молодежи к фестивалю. Делегация Австралии везет с собой художественную выставку, состоящую из кустарных изделий — образов народного творчества.

Английский танцевальный ансамбль покажет в числе других номеров танцы с саблями, специально подготовленный к фестивалю.

Болгарское народное искусство будет представлено на фестивале студенческим хором города Софии и молодежным танцевальным ансамблем.

Греческая молодежь продемонстрирует народные танцы и пляски. Вместе с делегацией в Берлин приезжает греческий хор пионеров.

С обширной программой индийских народных песен и тан-

цев выступят молодые артисты Бомбеи и Калькутты.

Из Италии едут театральным ансамблем в составе 150 человек и 400 участников балета, хора и солистов. На фестивале будут показаны также три лучших итальянских фильма: «Чудо в Милане», получивший первую премию на кинофестивале в Канне, «Похитители велосипедов» и «Земля трясется» (фильм о жизни рыбаков Сицилии).

Из Камеруна приезжают негритянский ансамбль танцев и оркестр народных инструментов: африканские гитары, балафоны, тамбили, барабаны «там-там» и другие. Камерунская молодежь шлет выставку изделий народного искусства: корзинки, сосуды, скульптуры.

Двуязычную программу народных танцев подготовила к фестивалю молодежь острова Кипр.

Китайская молодежная оперная группа поставит оперу «Девушка с седыми волосами», драматическая группа — несколько пьес, разоблачающих агрессию американцев в Китае и Корее. Делегация Китайской Народной Республики покажет на фестивале 10 кинофильмов.

Юноши и девушки острова Мадагаскар покажут национальные танцы и хоры, исполнят народные мелодии на национальных музыкальных инструментах, сцены из жизни молодежи острова.

Новозеландская делегация везет сделанный руками молодых новозеландцев макет туземной деревни — Маори Па.

Румынская молодежь приготовила большую выставку, отражающую счастливую жизнь молодого поколения в Румынской Народной Республике.

Большую художественную программу везет с собой делегация Франции. Перед участниками фестиваля выступят два хора: женский, в составе 200 девушек, и смешанный, из 300 человек.

Художественный коллектив имени Ги Мокко Союза республиканской молодежи Франции подготовил драматический этюд «Штурм небес» — о Парижской Коммуне. Автор этюда — молодой французский поэт Аири Басси, музыку написал известный композитор Жозеф Косма.

Большую концертную программу подготовила молодежь Шотландии. На фестивале выступят три хореографические группы шотландских крестьян, два ансамбля из горных районов страны, оркестр «Сейдиль», оркестр национальных инструментов — волюнок, — хор и солисты.

Из Южной Африки придет смешанный хор из негров и белых. В программе хора английские бурские и негритянские народные песни.

Эти рисунки заимствованы нами из молодежной немецкой газеты «Юнге Вельт». Они иллюстрируют материалы, рассказывающие о подготовке к фестивалю в различных странах.

Стадион имени Вальтера Ульбрихта, на котором состоится торжественное открытие Берлинского фестиваля.

КАСЬЯНОВСКАЯ ПЕЧАТКА

Рассказ

Хочется мне сегодня спросить у всех, кто пользуется углём с нашей шахты, нравится ли он им, довольны ли, не помнят ли шахтёров худым словом.

Нет, нет, хорошо уголёк, право слово, хорош! Когда ровным слоем лёг он на колосниковую решётку или на полотно цепи да в порядке тяга и дутьё, то чудится, что глыба ильского солнца втиснута в топку и помпыхает там так, что больно глазам. Шуруй веселей, добрый человек, и не спеши заглядывать в зольный бункер! Уголь отборный, кусок к куску. Неторопливо, как бы заигрывая, подлёзает он огню, но минула минута, за ней другая, третья, и зашумело жаркое пламя, загудело, затрещало, заплясало.

Кто же решится сказать о таком угле дурное?

Уж на что требовательный и капризный народ коксовики, но и они не могут пожаловаться. Засыпана в люки батарей добрая многотонная порция угля. Даже далеко чувствуется знойное томление печей, и зримым становится ток колеблемого над ними воздуха. А в положенный час медленно входит поршень коксовиталикателя в раскалённое добела жерло. Слово брус светлого золота появляется на противоположной стороне батарей. Близко не подходит: обожжёт раскалённый воздух. Но вот плеснула струя воды, в клубах пара обозначилась на золотом слитке тёмные прожилки, вот их больше и больше, и вскоре вылезла перекладинка пересортный кокс, серебристо-бурий, пористый, лёгкий и звонкий, как певучий металл. «Молодым перомаши, спасибо им!» — улыбаются коксовики. Но прежде всего спасибо скажите касьяновской бригаде. Недаром когда на руднике откатчицы видят вагонетки с буквой «К» на борту, то направляют их не на сортировку, а прямо к электракомпо опроруду. Знают, что всё равно породы в угле не лежат.

Однако вот что может показаться странным: идут касьяновские вагонетки не только с того участка, где работает знаменитая бригада, но и с третьего, четвёртого, пятого.

— Хотел бы я видеть этих атлетов! — воскликнул однажды только что назначенный десятник подземного транспорта, глядя, как одна за другой подаются в клеть помеченные мелом вагонетки.

— Вы будете новый десятник? — неожиданно окликнул его сзади чей-то голос.

— Я, — обернулся десятник на зов и приподнял аккумулятор, всматриваясь в спрашивающего.

— Почему вы не маркируете порожняк? — спросил подошедший, кивком головы указывая на стоящую перед стрелками партию. К ней уже подцеплялись электровозы, чтобы переправить её на участок. — Эти вагонетки затуражены штабом, а идут они сейчас под уголь. Представляете, что получится?

— Интересуется, вы кто же будете, инспектор, что ли? — доводило спросил десятник, задетый тем, что этот восемнадцатилетний юнец заметил то, что прошло незамеченным мимо его глаз.

— Нет, не инспектор. И не обязательно называться инспектором, чтобы увидеть неполадку. Достаточно быть чуть-чуть внимательней. Порожняк, как правило, должен маркироваться.

Это было произнесено с той категоричностью, после которой в дальнейшие рассуждения не даются, и конец, видимо, считая вопрос исчерпанным, не спеша зашагал к холму.

Машинист электровоза слышал происшедший разговор и потому задержался, не отъезжая. Медлил и десятник, глядя, как отдалается, словно ввинчиваясь в темноту кверхулагу, дуг аккумулятора.

— За маркировку вагонеток, — наконец распорядился он, когда в последний раз прогудели на литых бетонных сводах бронзовые отсытки и тут же расплылись в тумане. Ещё чуть погодя, как бы между прочим, спросил у машиниста электровоза:

— Кто это сегодня так расхохотывался?

— Как кто? Да это ведь наш Касьян! — воскликнул машинист.

— Касьян? — удивлённо переспросил десятник. — Тот самый? Так это его бригада вырубает столько угля?

— Выходит, будто так, — улыбнулся машинист.

Но десятник перестал удивляться, после того как машинист словом охотно ответил на его расспросы. Не станем же удивляться и мы, когда узнаем историю касьяновской печати.

То, что именно Касьян стал во главе бригады, организованной на комсомольско-молодёжном участке, было вполне естественно. Кому же другому более и подходила работа бригадиром, как не Касьяну, заслужившему высокую похвалу лучших забойщиков шахты? Это ведь он, Касьян, присланный в ФЗО из детдома, уже на третий день воспитал мастеров своей шахтёрской споровки. Умно и рассчитливо направлял пику отбойного молотка, он за полчаса сделал подбойку пласта, чтобы отжать, разрыхлить крепкий уголь, за следующие полчаса прорезал и вынул куток, подготовив себе фронт работы, ещё за полчаса согнал первую ленту, а там уже, почти не умолкая, заговорил отбойный молоток, благо, что никакого изъяна не было в трубопроводе, дававшем добрых пять атмосфер давления.

Инструктор Яценко, примостившись на буковой стойке, как птица на наесте, внимательно следил за каждым движением Касьяна.

— Так, так, — растроганно шептал старый забойщик, — добре, сынок, добре. Починай! и другую ленту такой хваткой. Спасибо, порадовал меня!

По довоенным годам Яценко хорошо знал отца Касьяна: на парус с ним вырубил, наверное, не один шпелюк угля. И сейчас сего мастера сердечно взволновала дума о том, что хотя и остался юнец без отца и матери (мать тоже погибла в первый год войны), однако государство вырастило и заботливо снарядило в жизнь паренька, вооружило его всем, что надобно на этой длинной, длинной дороге, — упорством в труде и любовью к труду, ясным умом, крепкими руками...

Что же удивительного в том, что через три месяца Касьян стал бригадиром?

Скирде, комсору шахты, не пришлось подкашивать Касьяну путь к успеху. Он сам подбирал бригаду на комсомольско-молодёжном участке. Принял Костю Липица, который стянул славу неизвестным правого края школьной командой и теперь намеревался к этой славе добавить иную, ещё более громкую — шахтёрскую; принял Ивана Тиводора, робкого паренька, приехавшего на рудники из Закарпатья. Правда, как ни звал в бригаду своего друга по детству Сею Дашилова, тот отказался:

— Что мне к вам, яти? Как участок будет работать, это ещё влады на воде писано, а на пятом, где я сейчас, всё время верных сто десять процентов. Чувствуешь, что это значит?

— Чувствую... а вот с другим прошеством у вас не ладится. Слышал я, что в прошлой смене у вас опять работу забраковали: зольность, что ли? — без того, — бесечно проговорил Данилов, — а в общем итоге получается крупный недостаток.

Но Касьян обошёлся и без Данилова. Добился перевода в бригаду Миши Примака, не подвавшего с мастером на соседнем участке; уговорил пойти напильщик Веру Звонкую, что уже третий год работала на поверхности зарпачиной и как-то пожаловалась на комсомольском собрании, что у неё работа без перспектив.

Правда, кое-кто тогда же дувано заметил, что Вера согласилась на уговоры Касьяна в подозрительно короткий срок. И что, мол, он привоёлся ей свои доводы тёмным летним вечером, сидя на одной из скамеек городского парка. Где не найдётся злых языков? Но от намёков, сделанных ими, не осталось вскоре ничего. Как-то комсомольское собрание одобрило поступок Веры Звонкой. Её вина была несомненной. Уголья в напильниках его вагонетках оказался засоренным крупными кусками породы. А ведь можно же было ещё в штырке во-время заметить их, откинуть в сторону. Вера не доглядела, допустила оплошность. А тут ещё случилось так, что именно эти вагоны были направлены на выборочную пробу. И тогда по качеству их забраковали. Краснеть пришлось всем членам бригады.

Об этом и говорили на бюро. Совместенно поспатривали на бригадире, догадываясь, насколько затруднительно сейчас его положение. Что скажет он, Касьян: назовёт ли проступок Веры своим именем, сумеет ли рассудить беспристрастно?

Всего минут помедлил Касьян, как бы собираясь с мыслями, а затем затворил горло, убеждённо: — Брак в работе — это равносильно клию. Кто из нас, комсомольцев, решится пойти на неправду? Никто ведь. Так как же мы можем вместо этого давать поручу? Это и есть самая худшая ложь.

Ну, наконец-то. Вера у тебя есть перспектива... шепнула Костя Липиш, сидевший рядом Вера.

— Это ты о чём?

— О выговоре...

Вера подняла плечи.

Я виновата, очень виновата, — сказала она, поднимаясь вслед за Касьяном и нервно перебирая пальцами брошку на кофточке, — и спасибо вам, товарищи, что мне об этом так прямо, в глаза... Спасибо!

Однако недаром Вера звалась Звонкой. И свою вину признала сразу же, но о вине других не умолчала, не постеснялась затворить во весь голос.

— Только спрашиваю я вас, товарищи, кто той густой породы нарубал столько? Я, что ли? Почему не договариваетесь? За качество отвечает вся бригада, так ведь? А сейчас пока речь идёт только о штырке. Что ж, и то ладно. С чего ни начинать, лишь бы начинать. А всё же, что в уступах делается, скажите мне? Порода-то оттуда!

— Да, если Касьян и раньше был строговат и прижимист — требовал от нас работы на совесть, — то после бюро стал поворачивать дело ещё круче.

Паспорт крепления назовут заучки. Иной раз забойщик топоропнит, затронет край затяжки на разбежку, а кровля на участке случается — нужна затяжка силошная, Касьян пролезет по уступам, и сразу же замечание. И аккумулятором-то он просвечивал по сторонам так, словно каждую стойку пересчитывал, не жёстко и раз и два пролезть по уступам, проверить качество работы. А ведь и о своей норме следовало помнить. Кому-кому, а бригадирю отставать и подавно не к лицу! Касьян возвращался в свой уступ и выключал отбойный молоток. Он неизменно старался углубиться в пласт так, чтобы уголь отходил кусками потяжелее, покрупнее. Знал, что такой ценится куда дороже, чем мелочь, которая, пролетев через сорокаметровое поле, и совсем испарялась. Правда, требовалось больше усилий. Непушечное дело — изволь расчитать и движение пики, и нажим руки, и вес молотка, и свой собственный вес. А к тому же поглядывая на клевава пласта, прищеп трещинки, клочья, струнстость... И всё это в один миг. Но сложность такого математического расчёта не смущала Касьяна. Кажется, он выполнял особый, лично ему заданный наказ козочегаров: и тех, что стояли у топок электростанций, и тех, что поднимали пары на локомотивах. А они не раз в своих письмах на Первомайскую просили давать уголь получше.

Глядя на Касьяна, и другие забойщики в бригаде переменяли его спорночку. Ну, Костя Липиш это легко давалось. Спортсменом полагается проявлять сообразительность во всём и всегда ценить умный совет тренера, будь то на футбольном поле или же на полкилометровой глубине под землёй. Подтянулся и Миша Примака, чтобы не отстать от друзей. Даже Иван Тиводор, для которого уголь ещё было дивным предметом, даже он сразу понял, что ковыляется бригадир, и в довольной улыбке расцветало его лицо, когда из-под рук откалывалась и уходила вниз, в тёмный провал, глыба версортного, отличнейшего угля. И, может быть, ничьи другие успехи так не радовали Касьяна, как успехи Тиводора. Паренёк-то излакала, из Закарпатья! Ждало, с пылом ринулся он ко всему новому, а подержала ему ладони, и обидеть его надо и терпеливо, спокойно растолковать, что к чему, тоже надо...

— Ещё в детстве научили Касьяна крепко верить в человека. Он, человек, может делать больше! Лишь бы манила его верная цель, лишь бы ясным был смысл делаемого. Много, много хорошего предстоит ещё тебе на твоём длинном веку, Иван Тиводор!

...

Вскоре зашумела слава касьяновской бригады. Не было на руднике уголь лучше, чем давала она. Её почёт и уважение от ствольников: первой всегда посадят в клеть. Её внимание от правления Дворца культуры: лучшая ложка была выделена бригаде в театре.

— Ну что, сто десять, как часы? — смеясь, спрашивал Касьян при встречах с Даниловым.

— Сам знаешь, — отвечал Данилов уже менее самоуверенно.

— Говорят, что вам из музея приветственную телеграмму прислали.

Намёк был язвительным. На прошлой неделе рудничным комитетом попалась интересная находка. Кусок породы с небывало редким по величине отпечатком какой-то рыбы. Всё бы ничего, но порою весила килограммов пять и найдена была в вагонетке угля, выданного бригадой Данилова.

Ничего, мы это всё равно перекрываем, вырубкой перекрываем, — хмурился Данилов в ответ на злую шутку.

Привезла корреспондент из газеты и сфотографировала всю касьяновскую бригаду. Рядышком на одной стороне и появились их портреты. Сам Касьян со сдвинутым на затылок кожаным шлемом, смеющийся, довольный; Костя Липиш, у которого из-под расстёгнутого ворота рубашки выглядывала полосатая футболка; Миша Примака, этакий сорви-голова, чей озорной чёлк восхитил фотографа, давно не виденного такой натурой; Иван Тиводор с мечтательным выражением — большими тёмными глазами; Вера Звонкая, которая даже перед объективом не держала и по привычке подняла натруженную руку к брошке на груди — к пластмассовому значку.

Скирда, комсорг шахты, не мог нахвалиться молодёжным участком. Но каково было его недоумение, когда спустя десяток дней после фотоснимка в газете в комитет вошёл Касьян, хмурый, чем-то явно озабоченный.

— Что такое, Касьян? — встревоженно спросил Скирда. — Садись, рассказывай.

— Что же рассказывать, — насупился Касьян, — рассказ мой короткий. Все наши ребята в большой претензии.

— В претензии? Это отчего?

— А вот ты скажи прямо: нравятся наш уголь или нет?

— Хорош, Касьян; сам знаешь, что хорош.

— Так, а что мы за это имеем?

Скирда недоумённо глянул на Касьяна. Не шутит ли он, задавая такой вопрос?

— Не удивляйся. Я прямо спрашиваю: что мы за это имеем? Ребята в обиде.

— Да ты это о чём? О премии? Так вам её давали и в прошлом месяце, а этого наверняка поучите.

— Да не о премии речь, о другом.

— О чём?

— Читай! — Касьян вынул из кармана какое-то письмо и протянул его комсоргу. Множество подписей усеяло лист бумаги. Писали из Днепропетровска, куда в последние месяцы отправляла шахта уголь, лишь на имя шахткома.

Скирда поспешно пробежал глазами строки письма: «...Принято, скажем откровенно, было нам глянуть на лица товарищей из касьяновской бригады, но совсем неприятно было в этот же день получить с вашей шахты shipment уголь с повышенной зольностью. Как же это так получается? Кто кому уголь очка? Фотограф нам или вы фотографу? Ждём ответа, товарищи...» Скирда рассмеялся.

— Ну, это — недоразумение. Им, очевидно, попал уголь с пятого участка или, может быть, с третьего. Вера бригада здесь не при чём, это разъяснится...

— Разъяснится, думаешь?

— Я виновата, очень виновата, — сказала она, поднимаясь и нервно перебирая пальцами брошку на кофточке.

— Конечно же, да вы и сами можете им написать, объяснить, в чём дело. Не одна ведь бригада на шахте.

— Гм... А всё-таки скажи, пожалуйста, вот ты, вижу, купил новую книгу. Автор тебе известен?

— Известен, конечно же, Тургенев, как видишь.

— Так, теперь, к примеру, наша первомайская пекарня хлеб выпускает. Хлебобойки известны?

— Также известны. На каждой буханке бригадная марка стоит.

— Швейный?

— Также.

— Машиностроительный?

— Также... Ах, да ты вот о чём, догадываешься теперь. Только что же поделает, Касьян? На каждый кусок угля печати не поставишь. Понятно, это легче всего было бы, касьяновскую марку извести... Никто бы уже не упрёкнул. Но в нашем угольном деле это невозможно.

— Что я и без тебя знаю, на уголь ярлык не повесишь, — рассердился Касьян, — но я к тебе пришёл за советом. Дело ведь серьёзное. Что же нам за другие краснеть? Где стиму? Надо что-то придумать. Давай обсудим...

Скирда подмигнул на Касьяна. Лицо его было серьёзным, полным решимости.

— Что ж, давай обсудим, — сказала Скирда.

И они начали обсуждать. Уже прошумел и схлынул на улице поток зрителей, возвращавшихся с последнего киносеанса. Уже потухли огни в контроле шахтоуправления, и багдалтеры, эти — есая, понятно, не считая поэтов, — убеждённые полуночники, пошли по домам. Уже запылали над Макевской заревом ночной полноты, а Касьян и Скирда всё ещё не уходили из комитета.

— Ну, теперь, кажется, всё ясно. Договорились? — сказала наконец Скирда, поднимаясь из-за стола.

— Всё, спасибо! — воскликнул Касьян, улыбаясь. — Так, значит, завтра во второй смене!

Рудничная нарядная! Кто из шахтёров равнодушно переступит её порог? Полуночные солнечные пролиаеи, через застеклённую крышу, и прозрачные, жаркие колонны света теснятся в зале. Смена готовится. Серый брезент сплещков с их скупыми, строгими складками облегает плечи собравшихся, и оттого фигуры шахтёров кажутся монументальными, как бы шагнувшими с постаментов. Говор, смех, восклицания вырываются в широко расставленные ослы. Но дощечки лесотомков прищипывают этот шум, и трепетом, скользящим по коже кругом описывают они под высокими сводами, провожая шахтёров в забой.

Шумела нарядная Первомайская. Присланный Дворцом культуры баянист прервал своё выступление и теперь сидел на сцене чёт в стороне с баяном на коленях, так и не собрав его, словно дожидаясь, пока взрывает в мехах новая песня. Скирда прошептал:

— В Днепропетровское ждут ответа, товарищи. Упрекают нас поделом, — сказал он. — Видите, сотни людей подписались. Кому поручим ответить? Говорите.

И тогда в давящем углу нарядной поднял руку Касьян:

— Я предлагаю поручить Данилю. Данилов, слышите вы! — кричал он, сканьме, вздрогнул, обернулся: — Нет, тут ли Касьян? Но нет, он стоял в давящем углу нарядной, спокойный, деловитый, и так же спокойно и деловито прозвучали его слова, но если бы был кто-нибудь рядом с ним, увидел бы в глазах бригадiera с трудом застёгнутую лужавую ушмешку.

— Дайте мне слово! — подыкала со сканьми и выкрикнула Вера Звоникова. — Пожурю, надо, чтобы и насущники пожурили над этим письмом. Я предлагаю ещё Любу Кочукову и Юрчу Фёдорову.

Вера назвала имена насущники с явного участия и села, уступив слово Кате Липишеву.

— А о крепельщиках забайки? Пусть вместе соберутся, обсудят. Предлагаю Цыганкова, Доброхотова, Мамзенов...

Выступили также Тимофёр, Примак. Они назвали ещё нескольких забайкиков с лютю.

Шумно плеснулся в окна голос гудка. Время спускаться смене. Шахтёры зашлепали к дверям. Смеющихся глазами Касьян смотрел, как, стараясь смешаться вместе со всеми, направлялись к выходу забайкики бригады Данилова, молчаливые, насущные.

Нелетко писалось это письмо, нелетко. День за днём складывалось слово к слову, строка к строке. Пришлось не раз Данилову приходиться на участок Касьяна и смотреть, как рушится вниз под тонкими движениями отбойных молотков уголь, крупный, отборно-чистый, словно каждый кусок его был нежно обласкан умелыми, ладными руками. Пришлось и насущникам с явного участия прийти в штрек к Вере Звоников, чтобы и она пожурила им нужное слово к письму.

А затем подошло время выборочной порчи. Вагонетку уголь, выданный с явного участка, высматривал, разделял пополам, потом снова пополам, перелопачивал и опять-таки отбавлял половину. Так делали до тех пор, пока делимая половина составила маленькую кучку уголь, достаточную для того, чтобы накормить его небольшой ящик. Его и посылала отбойница проб в лабораторию.

Начальник лаборатории сделал анализ и развёл руками.

— Да ты что мне принесла? — начал было отчитывать он отбойницу проб. — О чём задумалась, что всё перепутала? Это же уголь с касьяновского участка, глянь на анализ!

С явного, честного слова, с явного, — уверяла отбойница.

— Как же так, а марка касьяновская! — недоумевал начальник лаборатории, пока втискивал анализ не подтвердил прежних цифр.

С тех пор и повелось на Первомайской шахте уголь лучших сортов звать касьяновской маркой. Говорят, что она и на соседней шахте появлялась. Так касьяновская бригада поставила свою печать на каждом куске угля. И теперь выходит, что ошибся Скирда, когда говорил, что в шахтёрском деле это невозможно.

НА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ

Хорошо летним утром в степи! Особенно очаровательна она в тот час, когда солнце ещё не осушило землю и в траве всплывают голубые огоньки росы.

В юрком, быстроходном газице, продаваемом свежим ветерком, едет коренастый мужчина средних лет. Это начальник краевого управления лесного хозяйства Константин Матвеевич Шталоов. Он мягко кладёт руку на плечо шофера и, когда тот останавливает машину, торжественно объявляет:

— Мы на государственной лесной полосе Сталинград — Степной-Черкесск!

Это ещё не шумные росы в степи, не взломанные гряды дубок, прикрывающие могучей грудью пшеничные лабсы. Это пока только чёрная, глубоко перепаланная земля, уходящая к горизонту ровной, как стрела, линией.

Хотя земля открыта всем ветрам и ещё не везде приняла семена, притис, что скоро на четырёх сокорокатерных лентках, чередующихся через каждые три метра, степная стена выростет мощная зелёная стража. Могучей крепостью в степи встанет дуб-богатырь.

Константин Матвеевич приглашает посмотреть молодые дубки осенней посадки. Пока ещё низкие, ровные со стерней, они стоят на метровых площадках, обнявшись, по пяти—шесть штук, образуя приземистые зелёные с оранжевым оттенком шапты.

— Растут, набирают сил дубки! — восторженно произносит Шталоов, и глаза его догорают угадать несбывшиеся огоньки.

Его взгляд будет особенно популит тем, кто знает, что такое суховеи и песчаные бури. Они несут с собой миллиарды тончайших пылин, закрывая мутнокрасный шар солнца, знобные лучи которого так накаляют землю, что она не выдерживает и трескается.

Вот в такую сухую прошлым летом по степи прошли экспедиции почвоведов, топографов, геоботаников, лесомелинаторов. Одни детально исследовали свойства почвы, другие на карте отметили направление будущей трассы, третьи внимательно приглядывались к растительному покрову, четвёртые определяли, какие породы леса будут расти в степи.

Вслед за изыскательными партиями на трассу вышли мощные машины Курасовской, Петровской и Апанасенковской лесозащитных станций и стальными лемехами глубоко перепахали землю. Затем на буксире привели лесозащитные трактора. На лесозащитных тракторах, которые сии делают гнёзда, кладут в них сенным и плотно трамбуют вокруг гнёзда. К трактору прицепляются три машины. Каждая за восемь часов работы сядит не менее двенадцати гектаров леса. Осенью минувшего года этими машинами были посажены первые 400 гектаров государственной лесной полосы.

Ранней весной перед выходом на трассу механизаторы Петровской лесозащитной станции торжественно обсуждали предстоящую работу. На собрании выступил комсомолец Николай Воронцов и восторженно сказал:

— Мы не имеем права сидеть лес на государственной лесной полосе восемь лет. Предлагаю сократить этот срок вдвое!

Механизаторы единодушно решили: вместо 1958 года завершить посадку леса в 1953 году. Этот благородный почин горячо поддержали на других станциях. Комсомольцы Курасовской лесозащитной станции, которая обслуживает участок в 100 километров, объявили Воронцово-лесский участок своим подшефным. За один воскресник они посадили на нём 15 гектаров леса, взяли все насаждения на социалистическую сохранность.

Достойным всей молодёжи шаг стало замечательное начинание комсомольцев Ставрополь-Кавказского племхоза. По его землям пройдёт 20 километров государственной лесной полосы. Юноши и девушки решили сохранить на трассе каждое дерево, посадить и вырастить 10 гектаров леса.

Словом комсомольцев не разозлос с делом. Поход за леса возглавлял секретарь комсомольской организации совхоза Андрей Чернышский. Он созвал молодёжь на воскресник для посадки леса, создал на фермах пять постов комсомольского контроля, добился постройки скворечней для пернатых друзей зелёных насаждений.

На помощь юношам и девушкам совхоза пришли неугомонные школьники. Они вышли на воскресник по закладке государственной и совхозных лесных полос, посадили лес вокруг школы.

Андрей страстно любит родную степь и хочет, чтобы её украшали пышные леса. Он не даёт покоя лесомелинаторам и агрономам, требует, чтобы во-время подвозили саженцы и семена, быстрее готовили почву под лесопосадки.

Какая же цена будет нашим словам, если мы не выполним своих обещаний?

«Дорожно посадим леса!» Этот призыв глубоко вошёл в сознание каждого хлебороба Ставрополя. Мощные опорные пункты борьбы с засухой — лесозащитные станции — успешно выполняют свои обязательства.

Всё выше поднимаются дубки. В зелёную раму лесных полос уже заключены тысячи гектаров ровных квадратных полей.

По зову великого Сталина люди дружно изменяют облик родной земли.

Государственная лесная полоса
Сталинград — Степной-Черкесск.

А. ГЕЙДЕКО

река Урал. По её берегам проходит государственная пограничная полоса горы
Вини́чная — Каспийское море.

Фотос. Я. Рюмина

Вся страна работает на великие
стройки коммунизма. Уральский за-
вод имени С. Орджоникидзе дает
шагающие экскаваторы-гиганты. На
снимке: в кузнечном цехе Урал-
машзавода.

Фото А. Гаранина

У кого есть вопросы? Клава встала, оперлась руками о край стола и замерла в ожидании. Вот наступила минута, которую она ждала с таким трепетом, представляла себе во всех подробностях и которой больше всего боялась. Она испуганно думала о том, что συμβейдет, что-нибудь напутает, покажется работам неумной и совсем ещё не готовой к тому, чтобы вступить в комсомол. А ей уже казалось, что без комсомола она не сумеет прожить и одного дня. Где взять силы, чтобы побороть смущение, трепет и волнение?

Но тот, кто сказал эту простую фразу, секретарь комитета ВЛКСМ Серёжа Солончев, и сидевшая рядом с ним их цеховая комсомольский организатор Зина Костылёва смотрели на неё с улыбкой, ободряюще, как будто безмолвно призывали её не волноваться, помнить, что здесь один лишь её друг.

Клава не предполагала, что и Зина Костылёва тоже волнуется. Многих ребят привела Зина в эту комнату, о многих рассказывала комитету, но каждый раз, обходя вступивших школьников, уверенным взглядом, она волновалась так, как будто сама впервые держала экзамен перед комсомолом.

Ребята расположились на стульях, на скамьях, на диване и даже на подоконниках, отодвинув в сторону горшки с цветами. За окном моросил мелкий, октябрьский дождик, и не было ничего торжественного вокруг. Но Клава Фетисова знала, что сколько бы лет её жизни ни прошло, она всегда будет помнить и выражение лица Серёжи Солончева, и горшки с цветами, и диаграммы на стенах.

И ещё всё время перед её глазами стоял памятник Ленину, воздвигнутый на улице у самого входа в это здание. Каждое утро, направляясь к проходной, она видела высокую строгую гранитную стелу, на которой, чуть подавшись корпусом вперёд, положив руки на её край, стоял Ильич.

«Что говорил с трибуны Ленин?.. Вдруг спросит?» — подумала Клава. Было немало старых рабочих, которые хорошо помнили августовский день восемнадцатого года, день, когда на этот завод приехал Владимир Ильич. И не только из рассказов знала об этом Клава Фетисова. Она слышала те вдохновенные слова Ленина.

Ленин говорил о русских рабочих, совершающих чудеса, чтобы защитить свою страну от хищников империализма, о создании на развалинах старой России новую, социалистическую страну. «...мы верим», — говорил Ильич, — в творческую силу и социальный пыл авангарда революции, фабрично-заводского пролетариата.»

И взрослые рабочие и молодёжь завода всегда проявляли инициативу в труде. На стройке Магнитки и в шахтах Донбасса работали на машинах. Сейчас на заводе изготовляют моторы к шагающим экскаваторам для строек коммунального хозяйства в Сталинграде. Молодёжь работает не показывая рук, и Клава Фетисова чувствует, что со временем Будто догадывались о тех мыслях, которые пронеслись сейчас в сознании маленькой, хрупкой девушки, двадцатилетней революционной реставраторшей, ребята стали задавать ей вопросы, больше

Клава Фетисова (вторая слева) делится с подругами своими рационализаторскими предложениями.

Фото А. Мондеева

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

И. ГОРЕЛИК

ше своего ответичнее её настроению:

— Какими орденами награжден комсомол?

— Что говорила Владимир Ильич на Третьем съезде комсомола?

— Какими орденами награжден наш завод?

Клава овладела собой, говорила не торопясь. Она очень хорошо знала, какими орденами награжден комсомол. Она гордилась тем, что работает на заводе, удостоенном ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени. Клава отвечала просто, но с откровенной гордостью. И когда уже вопросы были исчерпаны, перед тем как сесть на своё место, она добавила, смущаясь:

— Я оправдаю... Я постараюсь сделать что-нибудь полезное...

Она не договорила, но всем была понятна её мысль.

Тогда Серёжа Солончев сказал:

— Кто за? Ну вот, Клава, прилижи тебе единственно.

И все заулыбались, а Зина, не

вычитывая для неё делом, она тотчас же поступила в школу рабочей молодёжи и закончила семиклассницу. Она жила в квартире, которую предоставил когда-то её отцу завод имени Владимира Ильича. Никита Андреевич Фетисов работал на этом заводе много лет. В квартире жила рабочая семья. И все её соседи были связаны с этим заводом.

Вечерами они сходились, разговаривали о заводских делах, о том, как идёт дело с планом, обуждали, кто сколько выпустил деталей. А сколько деталей выпустила она? Да и какие были у неё детали! «Нет», — решила Клава, — я должна пойти на тот завод, где трудилась отец.

И вот она пришла в цех реставраторов.

Её встретили приветливо. Опытный наладчик Андрей Михайлович Пастухов принял её обучать молодёжную работницу. У него уже было много учеников, хотя и самому ему не так давно минуло всего тридцать лет. Он уже успел и на войне побывать и после войны потрудился немало. Терпеливо и вдумчиво объяснял он Клаве Фетисовой, как укладывать за станком, как подводить резец к детали, как рассчитывать режимы резания... Он показывал ей, в чём состоит искусство наладки станка. Ему нравилась любознательность девушки. Он верил в неё. Он чувствовал, что где-то в глубине её души бьются родники таланта и они раньше или позже прорвутся наружу.

И вот наступил день, когда Фетисовой сказали:

— Учёные кончили. С завтрашнего дня будешь работать самостоятельно.

Учёные кончили? Нет, Клава знала, что учёные никогда не кончатся для тех, кто хочет много знать. Это не учёные кончили. Это её перестают водить за руку и дают право самостоятельно трудиться. Теперь-то и начнётся настоящее учение.

Как-то, стоя за станком и обрабатывая деталь, Клава задумалась. Вот она пройдёт все детали этой партии черновым резцом, сделает то, что называется первой, грубой обдиркой. Затем она остановит станок, сменит резец и начнёт вторую операцию, или, иначе говоря, второй проход. Теперь её резец будет делать окончательную отделку. Теперь-то и начнётся настоящее учение. Как-то, стоя за станком и обрабатывая деталь, Клава задумалась. Вот она пройдёт все детали этой партии черновым резцом, сделает то, что называется первой, грубой обдиркой. Затем она остановит станок, сменит резец и начнёт вторую операцию, или, иначе говоря, второй проход. Теперь её резец будет делать окончательную отделку. Теперь-то и начнётся настоящее учение.

Одна операция вместо двух! Какая бошарая экономия времени!

Но, может быть, это только предчувствие? Мало ли чего ей хочется! Ведь до неё на революционном станке у них в цехе никто не работал таким методом! Ну и что ж, что никто не работал? Ведь и до Борхенцева никто не резал металл со скоростью семикот метров в минуту!

Нет, нужно попробовать совместить две операции в одну!

Клава обратилась за помощью к мастеру Якову Яковичу Пастухову. Это был брат её пер-

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ

Фото Е. Уминова

Предутреннюю тишину нарушил гул авиационных моторов. Первый взлёт для совершення показного прыжка сделала инструктор, укладчица парашютов, комсомолка Надежда Залескушина. Вскоре она приземляется точно в назначенном месте.

Следующей садится в самолёт спортсменка-парашютистка Тоня Тихомирова. Машина, пилотируемая инструктором-парашютистом Н. Сергеевым, поднимается в воздух. Высота — 800 метров. Шум мотора стихает, и через несколько секунд Тоня Тихомирова бросается вниз. Парашютистка дёргает кольцо, и над её головой раскрывается белый купол парашюта.

Студентка Московского авиационного института Тихомирова за свой первый прыжок получила отличную оценку. Тоня Тихомирова умело сочетает учёбу в институте с занятиями в аэроклубе.

Экзаменационную сессию по всем предметам она сдала на «отлично» и перешла на 4-й курс.

Один за другим поднимаются в воздух и совершают прыжки спортсмены-парашютисты. Свой 8-й прыжок сделал студент Московского авиационного института комсомолец Владимир Березняков, 35-й — Юрий Борисевич.

На старт вырывают учебные самолёты «ПО-2».

К самолёту подходит стройный юноша и докладывает инструктору:

— Товарищ инструктор, курсант Солодовников к полёту готов. Разрешите садиться?

Инструктор С. Жучков даёт разрешение, и Борис Солодовников, учащийся 10-го класса 146-й московской школы, быстро садится в самолёт.

Валёт. Набор высоты, и комсомолец Солодовников под наблюдением инструктора пилотирует самолёт в воздухе.

После посадки он делится впечатлениями со своими товарищами Евгением Шанниным и Игорем Мельниковым.

— С каждым полётом, — говорит он, — я чувствую, как машина делается послушной и управлять ею становится всё легче и легче.

В течение многих часов над аэродромом не стихает гул моторов. Инструкторы с самых первых полётов прививают курсантам навыки умелого управления машиной. Особое внимание уделяется пилотажу в зоне. Спортсмены

делают виражи, штор, пети, переломы и другие фигуры.

Всё это вырабатывает у курсантов волевые качества, смелость, мужество, выносливость, развивает пространственную ориентировку.

...Приземлившийся самолёт подпрыгивает к линии старта. В нём находятся студенты Московского авиационного института Фёдор Хорхорин и Владимир Поддувалин. Первый — инструктор, второй — курсант. Оба они участники Великой Отечественной войны. Фёдор Хорхорин успешно закончил четвёртый курс института и сейчас, в дни канюка, с увлечением обучает новичков; Владимир Поддувалин перешёл на второй курс института и усердно овладевает техникой пилотирования на самолёте «ПО-2».

Поддувалин сменяет студент-дипломник того же института комсомолец Владимир Косых. Несмотря на сильный ветер и «облетанку», он отлично выполняет задание. После защиты дипломного проекта Владимир Косых будет работать конструктором самолётов. Его мечта — первым испытать свою машину.

Три часа дня. Пилоты уступают «воздушную дорогу» планеристам. Поднимаются вверх воздушные поезда. Планеры, отцепившись от самолёта, как огромные птицы, парят над облаками. Инструкторы-планеристы комсомольцы Юрий Дятков и Александра Штанова учат молодёжь искусству безмоторного полёта. Оба инструктора ещё недавно сами вот здесь же, в аэроклубе, совершали первые полёты. Теперь они мастера своего дела. Этим замечательным видом авиационного спорта в аэроклубе занимаются десятки юношей и девушек.

До позднего вечера шумно илюдно на аэродроме. Большой день аэроклуба заканчивается только с заходом солнца.

А. ВИНУКОВ,
пилот-инструктор

Будущие пилоты-спортсмены студенты В. Поддувалин (слева) и В. Косых со своим инструктором Ф. Хорхориным (в центре) после успешного полёта.

НА МИРНЫХ РЕЛЬСАХ

С. КРУТИЛИН

Солнце только что село; стало прохладнее. Сухой, жгучий ветер, который весь день дул из степи, с верховий Каспия, притих, успокоился, а с ним, кажется, будто притихла и хлопотливая жизнь железнодорожного посёлка. Пастухи пригнали стадо; закрылись ворота вагоноремонтного пункта; молодёжь высыпала на футбольное поле ещё не достроенного стадиона, на волейбольные площадки. Оттуда доносятся звонкие удары по мячу.

На станции вереницы эшелонов; тихо повсвистывая, снуют туда и сюда кропотливые «ковчежки» с одним светящимся глазом: маневровый паровоз составляет новые поезда.

Неподалёку от вокзала, в большом кирпичном доме, утопающем в зелени низкорослых клёнов, помещается управление отделением. В окнах ярко горит свет. Здесь находится «мозг» узла, пульс регулировки движения грузов по отделению дороги — диспетчерская.

Борис Миронов спешит на смену. И всё-таки он остановился у диспетчерской.

Бориса всегда как-то манила к себе работа диспетчера. Он знает, что нигде, даже в пути, на паровозе, не ощущаешь с такой остротой бегущей жизни на рельсах, как здесь, в небольших, скупо отделанных внутри полотном комнатах, занимаемых диспетчерами. Их двое: Надя Усова — невысокого роста девушка в форменном белом кителе с комсомольским значком на груди, обслуживающая северный участок пути от Котельникова по направлению к Сталинграду, до станции Абганерово, и Иван Деисович Сафонов — пожилой человек с седой головой и волевым лицом; он дежурит на южном крыле — так здесь называют участок от Котельникова до Куберле — узловой станции, принимающей грузы для Цимлянского гидроузла.

Борис, стоя у окна диспетчерской, закуривал. Хотя он знал о подходе своего паровоза, ему всё же ещё раз хотелось уточнить, на много ли раньше графика он следует, какой эшелон ведёт.

Из окна до его слуха то и дело доносилось:

— Диспетчер!

— Я диспетчер...

И он видел, как Надя наклоняется над большим покатым столом, на котором разостлан лист бумаги, исчерченный разноцветными линиями,

Фото А. Монилецова

Грузы великими стройками.

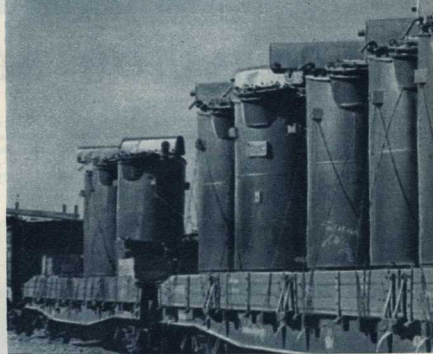

график прохождения поездов. Рядом с ней селектор — аппарат, связывающий её с дежурными по станциям, депо, другими узлами дороги.

— Диспетчер! Поезд № 1209 проследовал развед 161-го километра в двадцать один десять... На тридцать минут раньше графика...

— Сходу?

— Да...

— Понятно... — отвечает Надя и на минуту задумывается.

Широкий лоб её прорезает неглубокая морщинка. Она смотрит на часы: 21 час 15 минут. «Скоро пассажирский», — думает она. — Как бы он не натянул! Взглянь её падает на плакат, прибитый немного ниже часов: «Диспетчер! Продавай поезд с грузами для великих строек коммунизма со скоростью 700 км в сутки!» Да-а... Эшелон срочный. Кажется, комсомольцы ведут его хорошо. Они успеют доставить его в Котельниково до закрытия перегона для пассажирского.

Надя делает отметку в графике о проследовании эшелона через развед 161-го километра и проводит коричневым карандашом линию вниз: груз, предназначенный для великой стройки, ещё на десяток километров приблизился к Дону.

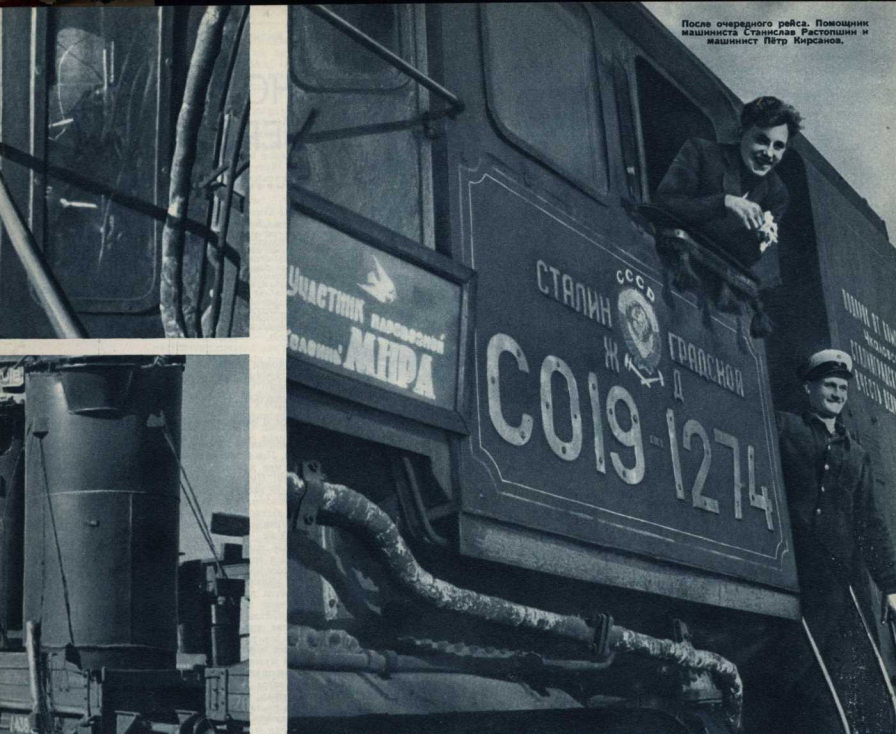
— Гремяче! — вызывает Надя следующую на пути эшелона станцию. — Дайте путь поезду 1209. Приложите к железу Кирсанову записку, что его нагоняет пассажирский; если так будет держать, Курморскую дадим также сходу...

— Есть! — чётко отвечает мужское голое.

«Наш идёт», — думает, слушая этот разговор, Борис Миронов. Ему всё ясно: и характер груза, который ведёт их комсомольский паровоз, и скорость его следования. Спрашивать и беспокоить Усову незачем, но он всё же не спешит уходить; затаявшись напирсочным дымом, Борис ещё несколько минут вслушивается в разговор диспетчера с дежурными по станциям, с машинистами, с дежурными по депо, и ему ясно представляется, как спешат по стальным рельсам поезда от Сталинграда вниз, к Сальску; от Краснодар — к Куберле.

— Понятно... — отвечает Надя и на минуту задумывается.

— Ты о чём это размышляешь? — услышал вдруг Борис рядом с собой знакомый голос Ивана Григорьевича Калмыкова, старшего машиниста. Борис, удивлённый и обрадованный, поздоровался с Калмыковым. Старший машинист находился сейчас в отпуске, и говорили, что он надолго уехал в Москву — проводить старых друзей, посмотреть столицу. Потому-то так неожиданна была эта встреча.

— Ты на смену? — спросил Калмыков Миронова. — Я тоже с тобой. Посмотрю... соскучился... можно ещё пожить в Москве, а вот приехал. Ещё недельку отдохну здесь, поближе к вам... на рыбалку съезжу... и снова на паровоз.

По дороге Иван Григорьевич рассказывал о Москве, о друзьях-машинистах, с которыми когда-то оканчивал Высшие технические курсы и которые теперь работают на подмосковных железных дорогах; показал часы — личную награду от министра путей сообщения.

Смешником Калмыкова Борис работает уже почти два года: с того дня, как их красавец-паровоз «СО 19-1274» — подарок комсомольцев Чкаловского паровозостроительного завода — пришёл в депо. Борис, как и вся бригада паровоза, вырос, освоил машину под отцовским присмотром Ивана Григорьевича Калмыкова. Он умел как-то незаметно указать на ошибку, подбодрить шуткой в минуты трудностей. Но он был строг, когда замечал нерадивость; особенно не терпел людей нечистоплотных и всегда требовал, чтобы машина содержалась в безукоризненной чистоте. И сейчас Борис, слушая Ивана Григорьевича, думал о том, что скажет старший машинист, осмотрев паровоз, который не видел более двух недель: не будет ли он недоволен молодёжью?

Калмыков, рассказав о Москве, принялся расспрашивать Бориса о делах: не было ли в его отсутствие случаев сырья графика поездов по вине паровозной бригады? Как с экономией угля? Борис обо всем подробно рассказал: сырья графика не было, паровоз непременно входит в «колонну мира» и два последних дня месяца совершает рейсы на скономленном угле...

— А Лукьянову... как, не уступили?

Владимир Лукьянов, школьный товарищ Калмыкова, — старший машинист другого молодёжного паровоза — «СО 19-386». При создании «колонны мира» осенью прошлого года бригады их паровозов всту-

пили в соревнование друг с другом за скорейшую обрабатываемость локомотива, экономию топлива, смазки, за увеличение межремонтного пробега.

Каждый месяц победительницей неизменно выходила бригада Калмыкова, но и Лукьянов не очень отставал. Перед самым отъездом Ивана Григорьевича в отпуск Лукьянов обещал: «Перегоню! Обязательно перегоню! Вот приедешь из отпуска — и выпела у тебя как не бывало!»

— Ну, что вы, Иван Григорьевич, разве мы допустим! — твёрдо проговорил Миронов.

И действительно: когда паровоз, сперживая тяжеловесный состав, остановился и Калмыков, поздоровавшись с ребятами, придирично осмотрел локомотив, он нашёл машину «в порядке», как любил говорить; это значит, что чистота механизмов, смазка трущихся частей, состояние топки были отличные.

В Котельниково паровозу, прибывшему из рейса, положено заходить в депо на экипировку. Но бригада Калмыкова, экономя время, никогда этого не делает. Так и сейчас: отойдя от эшелона, паровоз подошёл к водораздаточной колонке (угля при экономном расходовании вполне хватает на полное кольцо), а тем временем бригада приводит локомотив «в полный боевой порядок». Подходят сменщики — товарищи Бориса: маленький русоволосый помощник Леонид Шубин со смешной тибетской на голове и степенный, негрозный в движениях конегар Николай Петров. Они должны принести машину, уже готовую к рейсу. Но ребята не дожидаются, когда уставшие товарищи сделают это, и начинают помогать им.

В то время, когда вся бригада приготавливала паровоз к рейсу, Борис прошёлся вдоль эшелона, под который должен быть подан его локомотив.

Груз. Он разместили на огромных платформах. Воронежские экскаваторы. Свердловские скреперы. Московские трансформаторы. Горьковские грузовики. Минские самосвалы. Архангельский лес. Вся страна, весь народ шлёт строгим своим дари. Доставить их в срок, как можно быстрее, — вот их задача. «Надо сказать ребятам, какой эшелон будем вести», — думает Борис.

Машинист Мионов — группкомандир комсомольско-паровозного локомотива. Почти все машинисты, помощники и чекеры этого локомотива — комсомолы.

Через двадцать минут паровоз будто только что из ворот завода: снова бегут четкими ордами — символом славы комсомола. Они изображены на его ограждающих щитах. А впереди, словно осяняя трудовой подвиг молодёжь, раскрыл для полёта свои белые крылья голубь мира с веткой лавра в клюве...

— Снастиного пути! — провозжат смесчики своих товарищей в путь. Локомотив взял с Котельникова шишел, который он вёл. Шишел был исправен и работал также, как и другие. Впереди — после многих перегонов — Курбеле: станция назначения грузов, которых ожидают строители Цимлянской гидроэлектростанции.

Сразу же за Котельниковом начинается затянута дорога. Преодолеть его при таком тяжелогрузном шишеле можно, только держа пар в котле на пределе.

— Ну, держись, ребята, — говорит Борис.

Он и без слов машиниста хорошо знает своё дело чекера Николая Петровича и помощник Леонида Шубина. Они почти беспрерывно шуруют топку, подбрасывая в неё угля. Основа их работы — дружба. Без дружбы, без взаимопомощи успеха не будет.

— Набрать высоту! — шутит Николай. Он бывший лётчик; и здесь, на паровозе, всё привыкло к его лётным командам. «Набрать высоту!» значит держать пар на пределе; микровыи подбёг, и поезд пойдёт под уклоном — «планировка»; то есть пошёл без пара.

Первую станцию, Мелюративную, прошли на 5 минут раньше графика, сходу. Но вместе с железом получили предупреждение диспетчера: «Пассажирский принимает Котельников. Стоянка 15 минут. Намай!»

— Намай! ребята! — говорит Борис товарищам. — И ребята «намайют». Майка на теле Леонида стала чёрной от пота; под выступила и на лбу и на руках, покрытых загаром. Тобетейка, едва прикрывавшая плечу русских волос, сбилась на затылок.

Николай уверенно бросает в топку угля, изредка поглядывая на манометр. Морщины над переносом, где сходятся, почти срастаясь, широкие брови, стали глубокими.

Туда есть труд; успех легка не даётся...

Каждый из них прошёл, хоть, правда, и небольшой, но интересный путь. И Борис, который начал шесть лет назад работу в депо простым чернорабочим и которому доверили один из лучших локомотивов, и Леонид — ещё совсем юноша, окончивший железнодорожное училище и в два года ставший помощником машиниста, и Николай, бывший воин, а теперь чекер... Их путь — это их труд.

Семичное, Минувшее развед, Ремонтное... Сходу, без остановок, идёт, спешит к Дону шишел.

Выжженные солнцем степи лежат вокруг. Одинокий огонёк светится где-то вдаль, видимо, в полевом стане. Поднялся лунка, осветив всё вокруг бледным светом. Стали видны балки, невысокие железные столбы, на которых висели в снегу. Смотрит Борис Мионов на эту равнину и думает о том, что скоро совсем рядом со стальным путём, которым мчится сейчас его паровоз, разольётся целое море. И встанут вокруг высокие хлеба, наполненные влагой, вырастут на орошённых землях сады. Ему, как и каждому советскому человеку, хочется приблизить этот день: ему хочется, чтобы шишел, который ведёт они, пошёл быстрее, успешнее...

— Намай! ребята! — говорит он, отрываясь от смотрового окна.

— Сал. Гауш. Вседь...

В Вседь вместе с железом комсомолы вновь получают записку от дежурного по словам диспетчера, передающими по селектору: «В Зимовниках остался от шишела несколько вагонов с цементом. Пару срочный. Так как в Зимовниках у нас встреча с пассажирским, мы могли бы вы за время стоянки прицепить эти вагоны к своему шишелу? Знаю, что паровоз предельно перегружен».

— Возьмём! — заявляют ребята в один голос.

...Паровоз, словно человек, сразу почувствовал перегруз. Взять芝шел с Зимовников, не имеющих обычной стационарной локи, на редкость трудно и старым опытным машинистам. Открыт реверс и работа регуляторов, одновременно подавая под колеса песок, Борис, наконец, «поднимает» шишел. Несмотря на продолжительный подъём, медленно, но уверенно нарастает его скорость. Всё тело машиниста напряжено до предела, будто он сам, а не паровоз впряжён в шишел и тянет его. Но вот и долгожданная «плошадка» — прямая ровная путь. Теперь — в Курбеле — комсомольский паровоз встречает заместителя начальника полотнодела отделения дорожников Анниного и инструктор по работе с молодёжью Михаила Подкопаева.

— Спасибо, товарищи! Ваш паровоз провёл состав по отделению на один час сорок минут раньше графика... — Особенно спасибо за цемент. Он так нужен на стройке, — добавляет Михаил.

Что могли ответить на эту благодарность комсомольско-паровозники? Усталые, но довольные своим успехом, они принахлыли за осмотр локомотива. Им ничего не оставалось, как только повторить любимые слова своего старшего машиниста:

— Труд есть труд. Успех легка не даётся...

А под их шишелом уже подвигался другой локомотив: стройка не ждёт! И когда паровоз неторопливо шёл на отдых в депо, Борис окинул взглядом станцию. Она была забита до последнего запасного пути шишелами — с лесом, машинными, цементом, гравием... Вся страна шлёт свои даны. И Мионов показало, что он слышит, чувствует в своих усталых мышцах, как гудят стальные рельсы всей страны, по которым спешат паровозы к Дону... Водге — к великим стройкам.

Мирные рельсы. Мирные горы.

Присматриваясь к полюсу зари, занимающиеся на востоке, Борис прислушивается и улыбнулся: то было это далёкое паровозного гудка.

ст. Котельниково,
Сталинградской железной дороги.

Вилис ЛАЦИС

К НОВОМУ БЕРЕГУ

Отрывок из романа

Писатель Вилис Лацис закончил роман «К новому берегу». С нового года роман начал печататься в латышской газете «Циния» («Финляндия») и теперь переводится на русский язык.

Новое произведение охватывает события из жизни латышской семьи на далёком берегу Ливонии (ныне часть Эстонии) в советские времена. В романе показана борьба латышского трудового крестьянства за новую, светлую жизнь, за колхозный строй, ведущий к новому берегу — к берегу коммунизма.

В публицистическом отрывке (из 1-й части романа) перед читателем встает мрачная картина прошлого: Айна, сын одного из героев романа, коммуниста Яна Липула, находящегося в тюрьме, оставил после смерти матери сиротой; волостное управление продаёт его с публичного торга в чужую семью.

Мрачный и озабоченный ходил хозяин усадьбы, в которой Ольга провела последние дни своей жизни. Жена сердилась и не оставляла его в покое ни утром, ни вечером:

— Привёд моего на несчастье! Заботись теперь о чужом ребёнке, как будто своих не хватает!

Почему мне заботиться о нём? — возражала хозяин. — Пусть заботится волость.

— Волость, волость! — кипятилась жена. — Где она, эта твоя волость? Ведь никто не беспокоится. Пока сам не нажмёшь, никто пальцем для тебя не пошевелит. Но ты мне запомни: я эту гниду кормить не буду, ухаживать за ней не стану! Пусть присматривает за чужого ребёнка не собирался. Позаботись, чтобы скорее убрала его вон из дому.

Хозяин был здесь пришельцем, усадьба принадлежала жене и записана на её имя, поэтому особенно спорить он не смел.

— Дай мне попутать, — сказал он. — Вот попутается с волостным писарем, тот все законы знает.

На следующее утро после похорон Ольги хозяин запрет лошадей в резервуар телят и посыл в волостное управление. Там он почти целый час с глазу на глаз совещался с волостным писарем, который по всей округе славился как удачливый подпольный адвокат и большой мастер по составлению всяких прошений.

Домой возвращался хозяин в гораздо более весёлом настроении. Образованный тем, что представляется возможность узаконить неприкрытое дело уже в близлежащем волостном управлении, он по дороге завернул в трактир. Домой он приехал поздно и в таком состоянии, что не было никакого смысла разговаривать с ним о результатах поездки.

Жена сразу же уложила мужа спать, стянув толстые сапоги с ног.

— Экое животное! — возмущалась она. — Ты его весь день ждешь, а он нажался, как борз. Теперь до утра будет, что тышь мертво.

Жиденький Айна, укутанный, что хозяйка его не замечала, и поэтому старался не попадаться ей на глаза. Забывшись в угол за шкафом, он молча сидел там, как мышонок, целыми часами. Из своего убежища он высовывал лишь тогда, когда его звали к столу сдобной ватрушкой. У ней самой было двое малышей: один — ровесник Айвару, другой — годиком старше. Девушка крупицу похлебку, сваренную на снятом молоке, она забавляла и малютку-сироту: сколько наливала своим детям, столько и Айвару.

— Ах ты, бедный цыплёнок! — приговаривала она, глядя заскорузлой рукой голубу ребёнка. — Тяжело будет тебе жить теперь. Не дай бог, чтобы моим детям выпала такая доля. Ешь, мальчик, ешь, тебе ведь нужно много снаёчек.

Сидя в кресле, Айна читала и рубашку Айвару, а вечером, взбыв его постыла, сидела около него, пока он не заснул.

Малышку никто не говорил о смерти матери. Сказали только, что она уехала в город навещать отца и скоро вернётся. Он ждал мать с утра до вечера, тосковал, спрашивая у работницы, скоро ли приедет мать, вернётся ли с ней отец тоже. Но мать не ехала...

Сей день и лед под завывание холодного октябрьского ветра. В такую пору лучше было и думать выходить из дому. Айвар ведь день проводил в избе вместе с детьми батрачки. Изредка доносился скрип колёс проезжающей повозки, и Айвар бросался тогда к окну: не мать ли это приехала?

Однажды утром в избу вошли хозяин, а с ним валяющий господин — член волостного суда. Они тщательно осматривали все оставшиеся после Ольги вещи и составили акт, под которым велели расписаться и работнице.

— Пока пуская всё остаётся на месте, — сказал член суда. — Только смотрите, чтобы ничего не пропало. За такое дело придётся отвечать перед судом, поэтому что это — имущество сироты. На аукционе каждый сможет приобрести то, что ему понравится.

Дня через два рано утром к Айвару пришёл хозяин и сказал, чтобы он оделся потеплее. Вещи мальчика хозяин приказал связать в узел и уложить в телегу. Когда всё было сделано, хозяин взял Айвару за руку и вышел во двор.

Морозный дождь, дул сильный ветер. Последняя Айвару в повозку, хозяин усадил ребёнка, накрыл колени кожаным покрывалом, и лошади

тронулась. Дети батраки влезли на полок-ник, смотрели, как увозят Айвара, и на прощание махали ему руками. Но он был так растерян, что даже забыл ответить. Айвар очень боялся хозяина и не решился спросить, куда его везут.

Через некоторое время телега остановилась у большого двухэтажного каменного здания. Во дворе было много повозок. Лошади с надетыми на головы торбами с овсом или мешками с семеном стояли, привязанные к коновязи, и подрагивали от холода. Привязав и свою лошадь и накинув на неё пестрое доскутое покрывало, хозяин сказал Айвару:

— А теперь слезай. Дальше не поедом.

Он помог мальчику сойти с телеги, взял его за руку и повёл в большой каменный дом. В обширном помещении, где собралось много людей, их встретил тот же член суда, который два тома назад описывал вещи покойной Ольги Лиду. Поздоровавшись с хозяином, он увёл Айвара в другой конец помещения и усадил на скамью рядом с четырьмя другими детьми. Самому старшему из них по виду можно было дать лет десять, рядом с ним сидела сестрёнка, года на два моложе его. Двое других были мальчики: один лет семи, другой — девяти-десяти. Сидящему, растерянному глядящему на чужих людей, когда подошёл Айвар, они сдвинулись теснее, чтобы дать ему место на скамье. Справа от них стоял большой стол с письменными принадлежностями и деревянным молотком. Малознакомый человек в очках, сидевший в конце стола, что-то записывал в толстую конторскую книгу. Член суда тихо что-то спросил у писавшего. Получив такой же тихий ответ, он повернулся к собравшимся:

— Господа, кто желает участвовать в аукционе, прошу подойти ближе и сесть. Мы скоро начнём. Пока ещё есть время, прошу осмотреть детей. Если будут вопросы, господам писарь даст необходимые пояснения.

Люди зашевелились. То были местные крестьяне-хозяева, арендаторы и торговцы. Некоторых приехали с женами. Люди стали подходить к скамье, на которой сидели дети, и пристально осматривали их. Какой-то хозяин велел старшему мальчику подняться и повернуться к нему спиной, а на его сестрёнку бросил лишь мимолётный, безразличный взгляд. Какая-то супружеская чета долго обследовала девятилетнего мальчика, наконец жена велела ему раскрыть рот и показать зубы.

— Кажется, здоров, — пробормотала она, видимо, довольная осмотром. — Но нет ли шнёр?

Парень отрицательно покачал головой и, смутившись, опустил глаза. Айвар пока вроде не интересовался. Промокнув в дороге, он сидел сжавшись и дрожал всем телом, исподлобья наблюдая за чужими людьми.

Вскоре начался сиротский аукцион. Член суда велел брату и сестре встать, чтобы все могли их лучше видеть. Назвав их имена, он объявил, сколько кому лет, и стал расписывать их достоинства:

— Молодой парень, он скоро сможет ходить за плугом, а пастух из него даже сейчас отменный. Его сестра тоже в грязь не ударит — полных восемь лет. Может пригодиться как пастушка и выполнять более лёгкие домашние работы. Желательно, чтобы они попали в одну семью. Есть ли охотник? Навысшая сумма, которую можно платить их воспитателям, — тридцать латов в месяц за оброк. Кто согласен взять за меньшую сумму?

— Двадцать пять латов! — раздался в зале голос.

— Пятнадцать!

— Двадцать латов, и ни сантима меньше!

— Десять латов!

За десять латов и приобрёл какой-то хозяин, владевший самым большим стада в волости, которому нужны были два пастуха. Писарь, который вписал в большую книгу и дал расписаться; затем крестьянин, которому достались первые дети, отвёл их в другой конец помещения и отпустил наблюдать за дальнейшим ходом торгов.

Девятилетний мальчик довольно быстро попал за десять латов в семью с той супружеской паре, которая велела ему показать зубы. Какой-то исполнитель за двенадцать латов взял себе семилетнего мальчика. Отобранные дети, как домашние зверьки, смотрели на чужих людей, во власти которых они теперь оказались. Старшие старались притихнуть, а лица чужих мужчин и женщин ответ на беспокойный их вопрос: добрые ли они люди? Друзья или враги? Во взгляде меньших был откровенный испуг и глубокое отчуждение. Будто нища защиты, они жаллись друг к другу, а маленькая девочка схватилась за руку брата своими судорожно сжатыми пальчиками и не отступала от него ни на шаг.

Теперь подошла очередь Айвара. Он ничего не понимал в той мрачной игре, которая происходила на его глазах. Когда член суда велел ему встать, он медленно сполз со скамьи и оглянулся кругом.

— Айвар Лиду... — начал член суда. — Четыре года и десять месяцев тебе умерла, отец... нет. Высшая доплата — двадцать латов в месяц. Кто желает за меньшую сумму?

В помещении царил тишина. Мальчик был слишком мал, чтобы в хозыстве была от него какая-нибудь польза, поэтому на него никто

Какая-то супружеская чета долго обследовала девятилетнего мальчика, наконец жена велела ему раскрыть рот и показать зубы.

не зарился. Пройдёт не меньше двух лет, прежде чем его можно будет использовать, — это казалось слишком долгим сроком для собравшихся здесь людей, которые всё рассматривали с практической стороны.

— Ну, если желающих нет, за двадцать латов в месяц я готов его забрать, — произнёс наконец какой-то бородач. У него было круглое красное лицо, а язык несколько заплетался. На ногах он тоже держался неустойчиво. Мужик был заметно под мышком. — Двадцать латов, и ни сантима меньше. Иначе не стойт...

— Двадцать латов — первый раз, — объявил член суда и, как будто нехотя, продолжал: — Двадцать латов по второму разу... Затем внезапно, точно испугавшись, как бы охмелевший крестьянин не передумал и не отказался от своего предложения, спешно выкрикнул: — Двадцать латов третий раз! — и громко ударила деревянным молотком по столу. На этом детский аукцион закончился.

— Господин Коцинь, подойдите расписаться! — писарь жестом показывал бородачу.

Тот шагалёвато походилкой подошёл к столу и трясущимися пальцами надписывал своё имя в том месте, где указал ему писарь.

— Что, теперь всё? — справился он.

— Пока всё, — ответил писарь. — Удостоверение вы получите через несколько дней, вместе с первым платежом.

Вить по сему! — Коцинь ударил по столу с такой силой, что подскочили письменные принадлежности.

Член суда неодобрительно поёжился в его сторону, но промолчал.

— Тогда я этого молодчика могу сразу брать домой?

— Да, можете, — сказал писарь.

Крестьянин подошёл к Айвару, взглянув на него, громко рассмеялся и положил свою тяжёлую руку на плечо мальчика.

— Значит, всё же испугался? Ну, подтянись и подыми нос повыше. Подталкивая Айвара перед собой, он вышел из помещения, держа в руке узелок с одеждой робкого. Немного погодя, они уже сидели в старой тележке. Колёса месили дорожную грязь. Лошадёнка была малорослая и худая и еле вытаскивала повозку из понапивших на дороге рытвин. В таких случаях Коцинь колотил её кнутовищем и обзывал всякими нехорошими словами.

И снова так же, как утром, когда хозяин всё его к дому волостного правления, Айвар не осмеливался спросить у этого чужого мужичка, от которого за пересту разило войлок, куда они едут. А бородач только иронически усмехался да кивал и иногда, умиляясь, поглядывал на своего полупитца-мальца. Раз он спросил:

— А что, мать тебя драла?

Айвар согнулся и полными страхом глазами смотрел на чужого дыкля, отодвигаясь от него. Но тот только поёжился и тыльной стороной ладони вытер себе нос.

— Значит, всё-таки не знаком с рогами? Ничего, парень, скоро познакомишься. У нас в Коцинь порядки строгие — слушаться надо с первого слова. Если что-нибудь не так, как следует, рогаи тут как тут. У моей старухи удивительно лёгкая рука на это. Да что я тебе рассказываю? Сам скоро увидишь.

Ветер бросал в лицо путникам холодные брызги. Айвар начинал мерзнуть.

Перевёл с латышского
Ян ШУМАН

¹ Крестьянин, выплачивающий половину урожая собственнику земли.

Ветер

Бетон уже щечокнет руги нам,
Уже рождается на свет,
Когда дымит над облаком буксиром
Чуть-чуть не облако-цемент.
Уже вода в мешаке кружится.
Ещё рывок, ещё бросок —
Смались в горячее содружество
Железо, щебень и песок.
Ещё просторные камеры —
В них твёрдость приобрёл бетон.
Стоябы, ступени стали каменны...
И всё же нет, не камень он!
Есть камни тихие, покорные,
Сроили им сумерки и мох.
Есть завоиски торжеству горные...
Но кто один из них бы мог
Сравниться с детским бетонщика?
— Бетон! — прикажет человек,
Встречая ранних перевозчиков.

Бетон меняет русла рек.
На стройплощадке, в серых ватниках,
Как бы улавливая тон,
Звенят линейками десятники
Об остающемся бетоне.
По звуку, словно ухом доктора,
Определят, здоров ли он.
Шофёры выстроились около,
Торопят все:
— Бетон, бетон!
И арматурщик, спорный на руги,
Уже воздвиг железный лес.
Вот-вот ударит по опалубке
Ещё один айгит замес.
Поднимется, расправит плечи,
Богатырь подстаёт бетону.
И поведёт заре навстречу,
Навстречу Волге
Тихий Дон.

ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

Б. БАХАРЕВ

Много было сыновей и дочерей у селинцита-бедняка Мисаила Барича из тулупского села Нижнее Студное на Воловошине. Но мало было у него земли, а ещё меньше — денег. В постоянную нужду и голоде росли его дети. С малых лет впридачу они в непосильную работу: весной и летом обрабатывали жалкий клочок скупой земли на торном откосе, где рос лишь чахлый овёс и картофель, а зимой вместе с отцом шли на заработки в лес. Быть может, потому, что семья Барича и его соседи-односельчане были заняты извечной борьбой за кусок хлеба, поисками средств к существованию, никто не обращал внимания на маленького Ваню Барича, на его выдающиеся художественные способности.

Предоставленный самому себе, Ваня много времени проводил в одиночестве. Это одиночество и тесное общение с природой пробудили у мальчика стремление к творческому воплощению окружающей его действительности. Смутное понятие имени мальчика о карандашах и бумаге: ему никогда не покупали их. Ведь в доме даже грязно-рыжая соль самого низкого сорта считалась ценным приобретением.

С большими трудностями удавалось отцу устроить сына в сельскую начальную школу. Однажды учитель принёс в класс пластилин, и ребята занялись лепкой. Ваня сделал зайца. Маленький зайчонок был очень похож на настоящего. Первая скульптурная работа Ваню Барича единогласно признала лучшей в классе.

Всё свободное время Ваня стал посвящать лепке. Комки глины приобретали в его руках форму овощей, фруктов, растений, птиц, животных. Вскоре он нашёл новый материал: из орехов дикого каштана, из дерева он стал вырезать фигуры людей.

Но не только искусству, а и науке интересовался Ваня Барича. Од из отличных оценкам закончил сельскую начальную школу, но поступить в гимназию он не мог

и стал работать, как и все. Весной и летом мальчик нарывал со взрослых обработанных потрескавшихся под солнцем, твёрдую землю, чинил крышу на хате, косил жёсткую, никозорную траву «яснуру», а поздней осенью и зимой вместе с отцом рубил лес.

Не раз слышал Ваня тихий разговор селян о Стране Советов. В начале 1944 года венгерские власти мобилизовали четырнадцатилетнего Ваню вместе с отцом на строительство оборонительной линии Аппала. Но Ваня скоро сбегал со строительства, а следом за ним ночью вернулся а лес.

— Против кого строить? — сказал старый Барич жене.
Вскоре приблизости от села, где скрывались отец и сын от карателей, появились танки с красными звёздами на башнях.

— Русские! Русские! — радостно закричал мальчик и стремглав выбежал навстречу освободителям...

В Закартыях пришла Советская Армия. Молодёжь Гуцульщины получила все права, предусмотренные Сталинской Конституцией, а том числе и право на образование.

Ваня Барич экстерном сдал экзамены за семь классов средней школы, и сейчас он учащийся четвёртого курса Ужгородской школы прикладных искусств. Под руководством художников Иосифа Бокшая, Фёдора Манайло, высококвалифицированного мастера-резьбара Василия Санды он изучает живопись, графику, скульптуру, художественную обработку дерева.

Теперь это уже не робкий крестьянский паренёк, а один из лучших студентов училища, хорошо разбирающийся и в истории искусства, и в живописи, и в графике, и в технологии материалов.

Как отличника учёбы и активной комсомольцы училища избрала Ваню Барича секретарём первичной комсомольской организации.

Не только учебные часы — всё своё свободное время отдаёт Ваня любимому делу — искусству.

Свою первую самостоятельную работу — большую вазу из дерева — он посвятил лучшему другу советской молодёжи — великому Сталину. В центре вазы барельефы Ленина и Сталина, по краям картины значительной колхозной жизни в Закартыях. Ваза оформлена гуцульским, буюкивским и украинским орнаментами, отражающими идею воссоединения украинского народа в единой Украинской Советской Социалистической Республике. Оформление вазы венчают изображения кремлёвских звёзд.

Недавно Иван Барич закончил работу над скульптурой колхозницы. Улыбающаяся лицо женщины, вся её фигура, словно озарённая солнцем, говорят о её вдохновенном труде на благо Родины. Удано — сделана Баричем и другая скульптура — фигура физкультурника с ракеткой. Мужественное лицо спортсмена, его волевое устремление вверх как бы символизируют характерные черты советского человека.

Судьба Ваня Барича не исключение. Она характерна для подавляющего большинства закарпатской молодёжи. Большая часть воспитанников училища — дети крестьян гуцульских сёл.

Восемнадцать юношей и девушек осваивают в училище искусство живописи, графики, декоративной росписи, лепки, резьбы по дереву. Учились в училище тридцать комсомолец Василий Коста из села Великий Бычков на Раховине закончил работу «Утро советского Закартыя». В глубине, у полноты высокой. Кухаренских гор, дымятся трубы завода. На переднем плане золотится безбрежное поле колхозной пшеницы.

Одновременно с картиной Василий Коста сделал плакат, посвящённый теме борьбы за мир. С левой стороны плаката зарисовка одной из многочисленных строек послевоенной Сталинской пятилетки, справа — рисунок, изо-

бражающий набёт американских воздушных пиратов на мирный колхозный народ. В облаке пожара — искажённое ужасом лицо женщины, прижимающей плачущих детей. Идею плаката подчёркивает подпись: «Мы строим, а они разрушают».

Картина ученика четвёртого курса Максима Штанко называется просто: «Кукуруза». Однако в кажущемся на первый взгляд одиозном образе пейзажа чувствуется и необытная ширь колхозных полей и самоотверженный труд колхозников, борющихся за высокий урожай.

Интересна и другая картина Максима Штанко — «Колхозная стройка». Натурой для этой картины молодому художнику послужило строительство в селе Горы, Ужгородского округа.

Учащиеся пятого курса Николай Шуба, Иван Добощ, Николай Корж и другие под руководством преподавателя художника Иосифа Бокшая успешно сдали свои дипломные работы — серию картин: «Прём в комсомол», «Юные пионеры», «Юные авантюристы», «В пионерском лагере в Закартыях» и другие. Эти картины будут украшать областной Дворец пионеров.

Училище прикладных искусств — одно из самых молодых учебных заведений Закартыях, основанных в годы советской власти. Однако оно уже приобрело широкую популярность не только в области, но и далеко за её пределами.

В училище приехали юноши и девушки из различных областей Советского Союза: Дмитрий Лазарев — из Москвы, Людмила Гринина — из Алаты, Лилиана Бурбара — из солнечного Сталинабада.

Едино, дружной семьёй живёт коллектив училища. Русские, украинцы, венгры, гудулы, колхозники Ужгородщины, лесорубы Раховщины овладевают здесь мастерством. Осуществилась счастливая мечта юношества!

Молодёжь сельхозартели имени Т. Г. Шевченко [Станиславская область, УССР] на отдыхе.

Фото Н. Козловского

Высоко в Кавказских горах, в одном из красивейших мест, в Домбайской долине, находится альпинистский лагерь «Молния» спортивного общества «Буревестник».

На нижнем снимке: построение в лагере перед выходом альпинистов в горы.

На снимке сверху: альпинисты лагеря «Молния» совершают восхождение на вершину Сулахат.

Фото В. Руйковича

Когда американцы ворвались в Пхеньян, Пак Юн Гюн находился в госпитале. Он принимал участие в уличных боях и был ранен в ногу. В госпитале американский офицер избил его до полусмерти и полутолого оттащил в коридор.

Придя к себе, Пак Юн Гюн заметил выбрался из госпиталя и почти ползком добрался до деревушки Камхян, расположенной в трёх километрах от Пхеньяна. Здесь он встретил своих школьных друзей Ким Нен Дю и Ко Мюн Хина. В это время шла повальная аресты членов Трудовой партии и всех тех, кто честно работал на предприятиях и в учреждениях Кореи Народной-Демократической Республики. И вот три друга договорились о том, чтобы мешать американцам распространяться с патриотами.

Американцы и лисымановцы широко использовали для арестов и облас молодёжную фашистскую организацию «Техан чендан». Трое друзей решили вступить в эту организацию, принявшись поборниками лисымановского режима. После долгих церемоний и вопросов их приняли в организацию. Как они и рассчитывали, им, наряду с другими, поручили участвовать в арестах членов народных комитетов, рабочих, служащих.

Трое товарищей приходили в квартиру, брали под стражу человека, уводили его за город. Там, где-нибудь в укромном месте, «полицейские» останавливались. И, прямо жали арестованного руки. Снабдя его на дорогу узелком с пищей, они указывали, в каких местах стоять лагерю и как обойти их.

Но вот в полицию назвали список количество арестованных и фактическое их наличие в тюрьме. Разница оказалась большая. Власть забыла тревогу. Немедленно был арестован председатель организации «Техан чендан», началось тщательное расследование.

Трём товарищам пришлось скрыться, чтобы спастись от неизбежной смерти. Скрывались они в той же маленькой деревушке Камхян. Здесь находился их старый знакомый, член Трудовой партии Со Кван Бин, оставленный в тылу врага для подпольной работы. Вчетвером они и составили ядро отряда молодогогвардейцев в западном районе Пхеньяна. На первом же заседании руководством отряда был избран Со Кван Бин, утвердив текст клятвы и присвоив отряду название «Молодая гвардия».

Со Кван Бин учил молодёжь выбирать нужных людей. Каждому было поручено связаться с молодыми патриотами, которым можно доверить почётное звание молодогогвардейца.

Уже спустя три дня в отряде было двенадцать человек. Каждый вступающий в члены «Молодой гвардии» приносил клятву перед своими товарищами. «Я добровольно вступаю в ряды патристического отряда «Молодая гвардия», — гласил слова клятвы. — Я вступаю в этот отряд, отлично сознавая свой долг и свою ответственность перед народом. Я хочу быть честным, выполняю любое задание отряда, а в тяжёлую минуту умереть, но не выдаю своих товарищей. Настало время решительной борьбы за счастье своего народа, и стоять в

Рисунки А. Ливанова

КОРЕЙСКИЕ ЗАПИСКИ

В. КОРИЛЛОВ

МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ ПХЕНЬЯНА

В Пхеньяне в дни непродолжительной оккупации города американскими империалистами действовало несколько подпольных молодёжных отрядов. Корейские патриоты, подобно советским молодогогвардейцам, наносили захватчикам чувствительные удары, устраивали в тылу врага взрывы, диверсии, распространяли листовки и т. д. В западном районе Пхеньяна, у священнической горы Мотансан, на оккупантах наводили страх и ужас молодые партизаны, возглавляемые бывшим военнослужащим Со Кван Бинном. За рекой Тэджонган, в восточном районе города, совершал дерзкие напады молодогогвардейский отряд преподавателя питой гимназии Ким Кван Дуня.

Нельзя в короткой журнальной статье перечислить все подвиги, которые совершили юные патриоты Пхеньяна. Здесь пойдёт речь о боевых делах только одного отряда — Со Кван Бина, — состоявшего на пятнадцать человек. О действиях своих друзей рассказываю на встрече с журналистами бывший связной этого отряда Пак Юн Гюн, ныне возглавляющий молодёжный добровольческий отряд восстановления Пхеньяна.

стороне от этой борьбы — позор. Если же я нарушу священные слова этой клятвы, пусть я буду жестоко наказан руками тех, кому я клянусь сегодня в верности.

Необходимо было раздобыть оружие, в первую очередь гранаты. Это боевое задание было возложено на Пак Юн Гюна. В разведку послал десятилетнего мальчика, брата молодогогвардейца Ко

Мюн Хина. По утрам мальчик, взирая на плечи небольшого вязанку дров, уходил в город. Американцы, замечавшие в Пхеньяне, охотно «покупали» у детей дрова за конфеты. Поэтому мальчика свободно вскоду пускали, брали у него дрова и велели приносить ещё. Так в течение недели паренёк бродил по всем военным объектам, пока не обнаружил небольшой склад с гранатами.

Ночью пять молодогогвардейцев отправились за добычей. Они незаметно проскользнули мимо мерещки пьяных часовых, вытащили ящики с гранатами и скрылись. Такую операцию они проделали несколько раз.

Раздобытое оружие, молодогогвардейцы стали действовать смелее. На дорогах, ведущих к Пхеньяну, то и дело загорались автомашины, всё чаще и чаще находили убитых американских офицеров, дети под откос повреждённые вагоны с поружением.

Но ходить по городу, не имея определённых занятий, было опасно. Надо было легализоваться — устроиться в лисымановские учреждения. Поступив на работу, молодые партизаны больше видели, больше знали. Они раздобыли ротор и начали регулярно выпускать листовки с призывом бороться против интервентов. Каждое утро на стенах домов, на заборах, на телеграфных столбах появлялись боевые прокламации.

Все молодогогвардейцы читали замечательную книгу А. Фадеева «Молодая гвардия», переведённую на корейский язык, и многие подвиги красносодовцев они решили повторить в Пхеньяне.

Однажды утром прохожие увидели на улице Керим необычай-

ное зрелище: над куполом высокого здания полиция развезла знамя Кореи Народной-Демократической Республики. Это сделали смельчаки из отряда Со Кван Бина.

Отступая в спешке из Пхеньяна, американские разбойники не успели взорвать огромный склад артиллерийских снарядов у горы Кюмбун, на окраине Пхеньяна. На следующий же день прилетели американские бомбардировщики и стали сбрасывать бомбы на артиллерийский склад. Американские дётички, вероятно, очень были удивлены тем, что снаряды не взрывались. А дело объяснялось просто: молодогогвардейцы Со Кван Бина уже успели перетащить снаряды в безопасное место.

По примеру красносодовцев пхеньянские молодогогвардейцы устраивали победы антиамериканских Шестнадцатилетний юноша Кон Ден Дю, поступив в качестве раненого в лагерь для военнопленных, с помощью старика Ким Ха Ена 22 ноября 1950 года вышел из лагеря 30 человек и спрятал их в водопроводной трубе. Затем было устроено ещё несколько групповых побед. Таким образом Кон Ден Дю и Ким Ха Ен спасли от смерти 150 корейских патриотов. В конце концов охрана лагеря обнаружила «утечку» заключённых, но было уже поздно: к Пхеньяну подползла Народная армия...

В Сталинград

Спешит состав,
Торопится к цели
По мостам,
По туннелям.
Спешит,
Остуживая километры,
Навстречу времени
и ветру.

На платформах
гиганты-машины:
Едут на работу —
Строят платины.
Адрес точный
Городу-герою:
«Сталинград»
Срочно.
Для Гидростроя.

И адрес обратный,
Между прочим,
аккуратно:
«От мусковских рабочих».
Техника

в помощь смелым новаторам

Даёт шагающие экскаваторы.
Каждый завод
В Сталинград
плёт
Свой вклад.
«Воздух над Волгою
Гудком распорот,
Ехат, неодога —
Вот и город.
Машистин знает:
С нетерпением тут
Этот состав
Строители ждют.
Не зря он спешит
на больших скоростях,
Опоздашь —
Они не простят.
— К сроку пришёл?
Очень рады!
Привезли?
Хорошо!
Стружуга над!
Точно, во-время,
Ни поздно,
ни рано...
Камнедробилки,
Бульдозеры,
Краны...
Спешат рабочие,
Много деал!
Сроки коротче!
Срок до предела!
А состав
За грузом новым
По мостам
Торопится снова
Ветрам

и времени наперерез...
Здесь будет СталГРС!

Сооружая платины,
Каналы роя,
Знаем:
мы
коммунизм строим.

г. Астрахань.

ВОСНЕСЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

БЕСЕДА С ПРОФЕССОРОМ А. А. ВИШНЕВСКИМ

В беседе с корреспондентом «Смены» профессор Александр Александрович Вишневский рассказал:

— Начало двадцатого века ознаменовалось важным событием в хирургии: возник новый способ оперировать больных, не усыпляя их. Введённая в ткани слабая концентрация кокаина лишала нервы чувствительности, не причиняя организму особого вреда.

Перую операцию с применением анестезии мой отец, Александр Васильевич Вишневский, проделал давно. Он тогда только что окончил университет и приехал в Сибирь на зпидемю. Здесь его вызвали в больницу к умирающему. Поверёк порога на полу он увидел старика. Больной, в белой рубашке с лыным лоском, готовясь к смерти, шептал со священником. Давная болезнь привела к сужению дыхательного горла, доступ к которому мы открыть лишь нож хирурга. Оперировать под наркозом было опасно. Единственный источник света в палате — свеча в руках фельдшера — мог вызвать вспышку эфира. Врач сделал операцию под местной анестезией и вернул умирающего к жизни.

На следующую ночь ему доставили раненого с распоротым животом и выпущенным наружу кишечником. Опять возникло опасение, что эфир взорвётся от близости горящей свечи, и снова местная анестезия дала хорошие результаты. То обстоятельство, что обширные повреждения быстро зарубцевались и у больного не было шока, навсегда привязало А. В. Вишневского к средствам обезболивания.

Шли годы. Язычитый кокаин уступил своё место новокаину. Врачи аккуратно выполняли требования анестезии, а больные стояли, жаловались на боли. Как тщательно ни обезболивали нервные стволы, как ни насыщали ткани раствором, наиболее глубоким слоем нервные сплетения оставались нетронутыми. Перед каждой операцией возникали сомнения: как поведёт себя именно этот больной, не раздражителен ли он, не слишком ли чувствителен к боли? При малейшей неуверенности врач прибегал к наркозу.

Александр Васильевич Вишневский задумался целую разработать новый способ обезболивания. Пропитывание тканей раствором — прекрасная идея, но делать это надо так, чтобы ни один уголок клетчатки и мышцы не остался вне влияния новокаина. Обезболить одно лишь операционное поле — верная мысль, но хирург не может ждать ни секунды, процесс этот следует ускорить. Наркоз должен уступить своё место анестезии.

Годы настоячивых исканий дали Вишневскому возможность осуществить задумку. Техника его метода предельно проста. С двух противоположных направлений в пласты ткани нагнетается новокаин. Две тугие и обильные струи идут друг другу навстречу, обезболевая всё на пути. Нет нужды выжидать, когда раствор окажет своё действие, не надо искать расползшийся нервный ствол, опасаться, что игла ранит нерв: тугая струя надавит, действие быстро и верно.

Вот когда Вишневскому пригодились его тонкое знание анатомии, знакомство с архитектурой человеческих тканей. Он мог заранее сказать, в каком именно пункте введённый раствор охватит необходимую область.

— Мой метод обезболивания, — подвёл он итог, — не требует от оператора ни сложного оборудования, ни специальной тренировки. Им можно спасти жизнь больного и в блестящей операционной культурного центра и на простом столе, освещённом керосиновой лампой.

В операционной теперь нет стонов и плача, больные спокойно ложатся на стол, их не усыпляют, они уверены, что операция пройдёт без боли и ослепления. Два лёгких укула — первые и последние «страдания» больного. Последующее уже нечувствительность. Больной беседует с сестрой, отвечает улыбкой на шутку, не подозревая, что операция уже началась. Его снимают со стола свежим и не изменившимся, давление крови и дыхание не будут вызывать опасений.

Хирурга не тревожит больше мысль, что действие наркоза истечёт раньше, чем операция будет закончена. Ему незначит спешить: лишняя минута и даже час не ухудшит состояния больного. О эта торопливость! Сколько несчастий она принесла! Иссечённые мышцы и кожа, в спешке достигаемые крохами, разрозненными инструментами, — долго служили они источником страданий больного. Хирург теперь может спокойно следить за мельчайшим сосудом, беречь каждую каплю крови. Слабое сердце больного не вызовет опасения, что оперированный останется на столе. Во время операции мокроты изо рта не проникнут в бронхи и лёгкие больного. Способность отделиться парализуется только наркозом. Не будет и периода заторможенности сознания после операции, когда рана так нуждается в покое...

С тех пор, как возникла идея анестезии, у многих создалось убеждение, что местное обезболивание никогда не сможет целиком заменить собой наркоз. Такие ошибочные представления или на печени, думали они, всегда будут требовать усиления больного. Никто также не решил под новокаином оперировать очаг, где протекает воспалительный процесс: уколы шприца могут дать выход заразной крови; вскожу, где болезнь порождает гнойник — в брошенной ли полости или на теле, — анестезия должна уступить своё место наркозу...

Какая обидя: иметь средство облегчить страдания больного и быть вынужденным в этом ему отказать!

Хлороформ и эфир долго сохраняли своё господствующее положение. Препятствие казалось неодолимым.

— Допустим, что это так, — соглашался Александр Васильевич Вишневский. — Допустим, что тугая струя новокаина действительно может рассечь микробы по всему организму. Но почему же и такие случаи проходили у меня удачно? В тех трагических моментах, когда воспаление образования грозило, казалось бы, неизбежной гибелью больному, операция под новокаином возвращала умирающих жизни.

Что это? Быть может, случайность, удача? Отлично! Кто захочет проверить влияние анестезии на воспалённую ткань. Разумеется, всё будет сделано осторожно: шприц не коснётся воспалённого места и скоплениягноя.

Шаг за шагом, от ничтожного фурункула и карбункула, от воспалительного очага на теле до гнойника внутренних органов дошла отважная исследовательница.

— Я испытывала глубокую тревогу, — признавался позже учёный, — когда проникал в брюшную полость, залитую гноем. В прошлом у меня были удачные операции подобного рода, это я подтверждало: меня я не отступал и решительно анестезировал брюшину, эту чувствительнейшую к инфекциям ткань.

Новокаином врывался в воспалённые ткани, рассеивал опасность по всему организму, и все-таки осложнения не наступали. Очаг воспаления угасал под струей спасительной анестезии.

Предполагаемая слабость местной анестезии оказалась её преимуществом. Извечное опасение хирурга — открытый доступ инфекции в кровеносную систему, вызывавшее заражение у ослабленного операцией больного — утратило свою остроту.

В клинике как-то предстояло сделать операцию. Больного пригласили, уложили на стол, ввели ему в поясничную область обезболивающий раствор. В последнюю минуту операция почему-то была отложена, а через несколько дней услуги хирурга вообще были извлечены. Больной выздоравливал. Его назначили подготовительная процедура. Другому больному ввели раствор в ту же область, опять операцию почему-то отложили, и также настало выздоровление.

Вишневский и яли прежде всего клиницисты. Вишневский — врач, а не анатом. Он не стал терзать себя сомнениями и как человек, обнаживший клад, стал черпать из его сокровищницы животную силу.

Так явился на свет новокаиновый блок. Он изначал року, тяжёлые формы гангрены, язвы конечностей. Больные в течение неделиправлялись и покидали постель.

Вишневский не верил собственным глазам. Всё это было невероятно, необъяснимо. Одно из же воздействие на организм — невинное вливание новокаина — обрывало течение самых различных болезней. Исчезали отёки, где бы они ни возникали, прекращались шмыг, заболевания глаз, желудка и почек. В несколько дней исчезали тяжёлые кожные поражения, опасные гангрены и так называемое «заражение крови». Бронхиальная астма, страдания кишечника, ревматизм и туберкулёз нередко меняли свой характер под влиянием новокаиновых блока.

Когда бывший студент Казанского университета Вишневский попал в сибирскую больницу врачом, он порядком удивил персонал больницы тем, что очень неохотно брался за инструменты, иногда положительно избегал пол. Пришёл больной с открытой раной, просит, умоляет его:

— Разрежь, сделай милость, скорей бы, не канителиться!

Врач выслушает его и поступит по-своему: залепит рану новокаиновой эмulsionью, наложит повязку, пропитанную этим раствором, и забывает.

Молодой хирург после операции вводил в раны тампоны, пропитанные новокаином, для в осуживанию полости ран.

Помогут — удалялись, врач, — тампоны кладутся для отсасывания гноя, а вы их смачиваете эмulsionью! Хирург должен стремиться осушить полость, а вы заливаете её! — Пусть я ошибаюсь, — отвечал им Вишневский, — но, обвивая рану маслянистым раствором, я испытываю ощущение, что оказываю тканям величайшее благодеяние. Однажды к нему явился на приём охотник. Большой свия трепку с руки и обвивая развороченную рану. Залепил кровью и гноем, простреленная дробью, она имела уже следы омертвления.

— Что, доктор, пропала? — спросил тревожно больной. — Семья — пятеро душ. Охотник без руки не работает. .. Можете, спасёте? — с надеждой ждал он ответа.

Надо было сшить, пока процесс распался не зашёл слишком далеко. Законы хирургии предписывали немедленно ампутировать кисть, отнять её, не терять ни минуты. Хирург обильно залепил рану раствором, перуанским балзамом и... свис рука охотника.

Нет, что бы ни говорили, он не откажется от средства, которое оберегает людей от нечестий! О своей новой эмulsionь хирург рассказывал невероятные вещи. Её, во-первых, присущи беззаветный труд учёного. В 1942 году А. В. Вишневского за разработку и внедрение методов новокаиновой блокады и масляной балзамической повязки была присуждена Сталинская премия. Советское правительство высоко оценило беззаветный труд учёного. В 1942 году А. В. Вишневского за разработку и внедрение методов новокаиновой блокады и масляной балзамической повязки была присуждена Сталинская премия. Ученки продолжают осуществлять идеи учителя — пересаживать целые органы, когда заболевание одного из них грозит гибелью всему организму.

Сотрудники Мазеев и Чапов удаляли у собак лапу, вновь пришили её, и вот уже два года животное пользуется этой конечностью.

никакого прикосновения, балзамизация словно обезболивает её. Очаг страдания затухает, наступает успокоение. При остром аппендиците, когда обнаруживается, что удаление отростка невозможно, мазевый тампон, оставленный в полости, меняет картину процесса — вспышка воспаления угасает.

Десятилетия изучал А. В. Вишневский анестезию, блокаду и действие балзамических мазей. Пришло время спросить себя: какое это средство будет отведено в науке? Промелькнут ли они, едва освоены глубины человеческой природы, или останутся надолго в медицине?

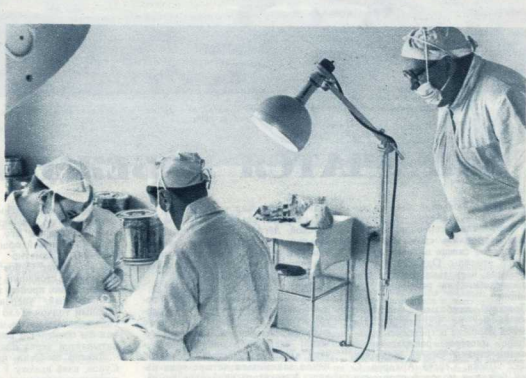
Вишневскому ясно, что мазевая повязка, новокаиновый блок и анестезия действуют на болезненный процесс сообща. Всякий раз, когда он пукал в ход эти средства — вместе или порознь, — организм отвечал одинаково: либо начиналась болезнь, либо текущая стадия процесса быстро завершалась своей ход, и поражённое место отграничивалось. Заведённый механизм страдания как бы замирал на границе разрушения и смерти. Нож отскаки отмершую ткань, и жизнь возвращалась в норму.

Бывало и так: Вишневский отказывался

и самый метод этой операции и последовательные наблюдения отмечены печатью творческих приёмов Вишневского. Ни на минуту подопитое животное не остаётся вне бдительного ока экспериментаторов. Моментальные рентгенограммы, для воспроизводства которых требуется от двух до трёх секунд, непрерывно оповещают о том, как идёт сращение распыленной кости, расчленивших и синтетических кровеносных и лимфатических сосудов. В любую минуту проверить ход заживления в сокровенных глубинах организма.

Удаче во многом способствовал механический прибор для сшивания кровеносных сосудов, изобретённый конструктором Гудовым.

Другой сотрудник, Демихов, впервые в науке пересадил собаке сердце и лёгкие другой собаки. Правда, животное прожило лишь двое суток после операции, но начало было положено. После этого множество сердец пересадил животным учёный. Сперва он подшивает второе сердце в русло крови, некоторое время два сердца бьются в груди животного. Последующей операцией экспериментатор удаляет собственное сердце животного. Пересаженный орган полностью его заменяет. Одна из таких

Профессор А. В. Вишневский наблюдает за операцией, проводимой его сыном А. А. Вишневским.

Фото М. Маркова

собак два с половиной месяца носила в своей груди чужое сердце щенка.

Дальнейшее развитие успехов, достигнутых в Институте хирургии имени А. В. Вишневского, заставит уже не только от искусства хирурга, от проницательности экспериментатора.

Учёные давно уже убедились, что когда пересаженные ткани принадлежат тому же животному, они, как правило, успешно приживаются. Но сердце, конечности и почки, пересаженные из одного организма в другой, не годятся; полупотные животные в конечном итоге погибают.

С подобным затруднением наука уже встречалась при изучении свойств человеческой крови. Переливание крови из одного организма в другой было невозможно до тех пор, пока не были установлены существующие группы с их различными особенностями. Никто не рискнет пересадить больному человеку чужую почку, конечность или сердце, пока ткани животного и человека не разграничены так же строго, как кровь.

В Институте имени А. В. Вишневского всё продолжает идти для пересадки органов от человека к человеку. Слово теперь за биологами.

Мы верим, — закончил беседу А. А. Вишневский, — что решение этой задачи не за горами. Мы уже ею занялись.

Гулло прозвучал выстрел из стартового пистолета, и в то же мгновение Игорь Ильин устремился вперед.

Фото В. Орлова

ОНИ УЧАТСЯ ПОБЕЖДАТЬ

В жаркий июньский день на московском стадионе «Динамо» проходились соревнования, которые назывались «День бегуна». Участвовало свыше пятисот легкоатлетов столицы. Одни за другими в течение нескольких часов следовали забега на различные дистанции.

Пожалуй, наибольшее внимание привлекал бег на 400 метров. На гравейной дорожке встретились сильнейшие мастера: рекордсмен и чемпион страны Сергей Комаров, Павел Демин, Сергей Архаров. С ними бежал и молодой спортсмен Игорь Ильин. Ильину досталась самая дальняя, «чуждая» дорожка — пятая. Некоторое время, до того, как закончится поворот, он не сумеет видеть бегущих сзади легкоатлетов.

Стартер поднимает вверх руку с пистолетом. Выстрел — и бегуны, словно подхваченные сильным порывом ветра, помчались вперед. Первые 100 метров по повороту Комаров и Ильин прошли за 11,6 секунды, 200 метров — за 23,2 секунды, 300 метров — за 35,6 секунды. Темп хороший, сулящий высокий результат.

На последней прямой между Комаровым и Ильиным завязалась захватывающая спортивная борьба. Чемпиону пришлось приложить все силы, опыт и старания, чтобы выиграть победу у молодого легкоатлета. Комаров пробежал дистанцию за 49,1 секунды, Ильин проиграл ему 0,5 секунды. Это было лучшее достижение Ильина, выдвинувшее его в один ряд с сильнейшими мастерами.

За три недели до этого Игорь Ильин установил новый московский рекорд в барьерном беге на 400 метров. Красиво и стремительно преодолел десять барьеров, он показал 53,9 секунды. А на Всесоюзной студенческой спартакиаде

Ильин улучшил результат на 0,7 секунды. За всю историю советской легкой атлетики быстрее Ильина эту дистанцию с препятствиями удалось пробегать только рекордсмену страны Юрию Ливуеву и Тимофею Лувеву.

Кто же такой Игорь Ильин? Он москвич. Родился в 1928 году. Комсомолец, студент четвертого курса Московского высшего технического училища имени Баумана, член добровольного общества «Наука». Легкой атлетикой начал заниматься четыре года назад. А до этого увлекался гимнастикой, лыжами, баскетболом.

Любовь к легкой атлетике привил ему тренер Евгений Филиппович Кузнецов. Он сумел разглядеть в первых шагах новичка твердую, уверенную поступь будущего мастера.

За минувшие четыре года Ильин сумел достигнуть многого. На целых 6 секунд улучшил он свой результат в барьерном беге на 400 метров, таких же серьезных успехов добился в беге на 110 метров с барьерами и на 400 метров.

Игорь Ильин производит впечатление сильного, быстрого, полного энергии спортсмена. Он трудолюбив, настойчив, умеет добиваться намеченного.

Мечта Игоря Ильина — с отличием окончить вуз, стать мастером инженерного дела и одновременно мастером спорта. И мы не сомневаемся, что мечты его сбываются!

— Высота — 1 метр 88 сантиметров. Пртыгает Суров», объявила судья.

Мало кому известный юный легкоатлет продолжал соревнование один. Все остальные не смогли прыгнуть так высоко, как Суров. Несколько секунд Володя Суров

сосредоточенно смотрел на ребристую планку, словно впервые в жизни видел её. Его высокая фигура с эмблемой общества «Буревестник» заметно выделялась. Только сейчас Суров заметил, что оба судьи, стоявшие у стоек, могли свободно пройти под планкой. Спокойный, уверенный разбег, мощный толчок. Тело прыгнуло высоко, вылетает вперед, на мгновение как бы повисает в воздухе и перекатывается через планку.

Диктор сообщил, что Владимир Суров, взяв высоту 1 метр 88 сантиметров, установил новый рекорд страны для юниоров возраста 17—18 лет. Интересно, что рост Сурова также 1 метр 88 сантиметров.

Так несколько неожиданно спортивная слава пришла к ученику 10-го класса московской 287-й школы и воспитаннику летской спор-

тивной школы общества «Буревестник». Восемнадцатилетнему комсомольцу Владимиру Сурову. Три года назад, впервые участвуя в соревнованиях, он прыгнул на 1 метр 30 сантиметров. Прошло не так много времени, и он преодолел планку, установленную на высоте 1 метра 74 сантиметра. Чем выше поднималась планка, тем труднее приходилось юному легкоатлету. Но Володя не сдавался. Он настойчиво и много тренировался, изучал технику прыжка способом «перекат» и добился своего. У Сурова, несомненно, большое будущее.

На последнем этапе эстафеты 3 по 800 метров в составе сборной команды СССР бежала москвичка Валентина Помогаева. Она приняла круглую палочку от Полины Солоповой, ещё не так давно рававшей трактористкой, а ныне студентки Ленинградского института физкультуры имени Лесгафта. Солопова, как и её подруга тульская спортсменка Клара Дмитрук, шедшая на первом этапе, показала высокие результаты. Прежний рекорд мог быть улучшен. Всё теперь зависело от того, как справится со своей задачей Помогаева. А она не подвела своих подруг, пробежав 800 метров за 2 минуты 15 секунд. В итоге новый мировой рекорд — 6 минут 44,8 секунды.

Месяцем раньше Помогаевой удалось побить мировой рекорд в беге на 500 метров, установленный ещё в 1939 году харьковчанкой Ксенией Шилло. Время Помогаевой — 1 минута 15,3 секунды.

Спортом Помогаева начала заниматься в школе в своём родном городе Туле. Она хорошо бежала, прыгала, плавала, играла в волейбол. После переезда в Москву Бала продолжала отдавать всё своё свободное время спорту. Сала нормы на значок ГТО второй ступени, участвовала в соревнованиях по многоборью.

Два года назад я начал тренировать Помогаеву. Главное внимание

обратил на технику бега. Благодаря отличной физической подготовке (Помогаева — лыжница 1-го разряда, пловец 2-го разряда, гимнастка 3-го разряда, выступала в составе сборной Тулы по бекетболу), большому трудолюбию она сумела занять достойное место в числе сильнейших легкоатлетов страны.

И. СЕРГЕЕВ,

заслуженный мастер спорта

Разбег, резкий толчок — и Владимир Суров «перекатывается» через планку. Фото М. Баташева

СБОРНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ

Вот-вот с другой стороны площадки будет водан мяч, который может решить исход партии. Вглядитесь в лица волейболистов. Они приготовились к жаркой схватке. Это игроки сборной молодежной волейбольной команды СССР — Семён Шербаков (№ 3), Радий Хомутов (№ 12), Мирон Вилер (№ 6), Владимир Бусалаев (№ 11), Виктор Кадников (№ 9).

Молодежный коллектив создан нынешним летом. В его состав вошли, помимо перечисленных волейболистов, Владимир Гайлит, Александр Таль, Юрий Донцов и другие. Кто же они, эти молодые волейболисты?

Студент Азербайджанского института физкультуры юномосковец Владимир Бусалаев любима и спорту унаследовал от своего дяди, игравшего в футбольной команде мастеров «Нефтчи» в Баку. Владимир же с равным успехом занимался футболом, легкой атлетикой, волейболом, но с годами его всё больше и больше увлекал волейбол, и теперь он один из сильнейших молодых волейболистов страны. Радий Хомутов 21 год, в волейбол он играет уже 7 лет. Хомутов — студент химического факультета Московского государственного университета. Мы коротко рассказали о двух спортсменах, ибо они как бы определяют лицо остальных молодых волейболистов. Все они учатся, работают, отдают свой досуг спорту.

Фото Н. Воинова

ВЕСЛА НА ВОДУ

Гребля — один из старейших видов спорта в нашей стране. В 1718 году на Неве появились гребные суда первого в мире ахт-клуба «Невский флот», созданный Петром Первым. Летом 1860 года в Петербурге состоялись первые официальные соревнования по гребле. Однако этот замечательный вид спорта был недостаточен трудностями. Попав в ахт-клуб могли лишь привилегированные лица. Гребной спорт носил ярко выраженный иппосовый характер.

Широкое развитие гребной спорт получил только после Великой Октябрьской социалистической революции. За годы советской власти неизмеримо увеличилось число гребцов, возросло их мастерство.

Занятия греблей исключительно благотворно влияют на организм человека, развивают силу, выносливость, ловкость, чувство ритма. В комплексе ГТО входят нормативы по гребле.

В зависимости от типа судов гребной спорт делится на народную, байдарочную и академическую греблю. Наибольшее распространение получила у нас народная гребля. В любом приморском городе, в городах, расположенных у рек и озёр, можно найти любителей этого увлекательного вида спорта. Соревнования проводятся на обычных шлюзах — однопарках и двухпарках.

Очень интересны соревнования на байдарках. На них гребут двухлопастным веслом, делая движения то с одной, то с другой стороны судна. Байдарки отличаются исключительно хорошей проходимостью по мелким местам рек, вёс их невелики, и они легко разбавляются. Это обстоятельство сделало байдарки особо популярными у многочисленной армии туристов. В самом деле, кто может быть лучше путешественника на байдарке! Академические лодки бывают двух типов — клинеры и скифы. Клинеры, более тяжёлые, делаются из тонких узких досок; скифы же — из одного листа красивого дерева особой породы. На клинерах и скифах узкие, выносные, сиденья подвижные. Такое устройство позволило освоить весьма совершенный способ гребли.

Академические суда рассчитаны на одного, двух, четырёх и восьми-

рых гребцов. Самая большая и быстроходная лодка — восьмёрка-сингл — достигает без малого двадцати метров длины. Несмотря на это, она очень легка и необычайно хрупка. Её корпус можно продавить пальцем. На восьмёрках-синглах спортсмены, делая 40—42 удара веслами в минуту, развивают большую скорость — свыше 18 километров в час.

Передовые тренеры — москвич Александр Шведов, Алексей Штебев, Пётр Нахомов, Игорь Полнов, ленинградца Вера Савинович и другие — много потрудились над тем, чтобы найти новые методы гребли, создать свою отечественную технику и стиль.

За последние годы у нас выросли замечательные мастера. В прошлом году звание чемпиона СССР на восьмёрке-сингле завоевала ленинградская команда общества «Красное знамя». Вся команда во главе с загребным Владимиром Кирсановым состоит из молодежи. Нужно заметить, что на восьмёрках много решает сплочённость коллектива, дружба, высокая спортивная техника. Всеми этими качествами наделена восьмёрка «Красного знамени».

На одиночках-синглах давно не знают поражениях москвичи Наталья Саннина и Игорь Демьянов. Большой известностью пользуются московские гребцы общества «Крылья Советов», «Динамо», коллектива Центрального Дома Советской Армии. В нынешнем сезоне выдвинулась восьмёрка молодых гребцов общества «Химик».

Говоря о лучших, нельзя не вспомнить выдающегося мастера, павшего в боях с гитлеровскими захватчиками, Александра Долгушина. Его рекорд на одиночке-сингле остался до сих пор непревзойдённым.

О силе советских мастеров можно судить по встрече с чехословацкими гребцами, состоявшейся в прошлом году на Москве-реке. Чехословацкие гребцы считаются одними из лучших в Европе. Наши гребцы вышли победителями во всех заездах.

П. РОДИОНОВ,
заслуженный мастер спорта,
государственный тренер по гребле

Несколько лет подряд выигрывает звание чемпиона СССР на одиночке-сингле Наталья Саннина.

Фото В. Андреевко

ОБ ИСКУССТВЕ

Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой жизни, то есть мысли, делать его предметом какою-то сибаритского наслаждения, шероховатой праздности лицезрения.

В. Г. Белинский.

Воспроизведение жизни — общий характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведения искусства имеют и другое значение — объяснение жизни; часто имеют они и значение призыва к явлениям жизни.

Н. Г. Чернышевский.

Художник должен любить жизнь и показывать нам, как она прекрасна.

Анатолий Франс.

Прекрасное должно быть вечным.

А. С. Пушкин.

Искусство — это природа плюс человек.

К. А. Тимирязев.

Искусство есть высочайшее проявление могущества в человеке.

Л. Н. Толстой.

Всякий шедевр в искусстве получился очень сложным путём и громадными затратами средств культуры, подобно тому, как для условий жизни на крошечной земле потребовался колоссальный запас сил и средств оней солнечной энергии.

И. Е. Репин.

«Искусство для искусства» — мысль, которая так странна в наше время, как «богатство для богатства», «наука для науки» и т. д. Все человеческие дела должны служить на пользу человеку, если хотят быть не пустым и праздным занятием...

Г. В. Плеханов.

В нашей стране всякий труд должен превращаться именно в искусство преобразовать мир, в искусство изменить страны, окраины её садов, дела, печали. Красивые вещи воспевают творческое воображение людей и уважение их к труду.

М. Горький.

Русское искусство — прежде всего сердечное искусство. В нём неутомимо горела романтическая любовь к человеку, этим огнём всегда блещет творчество наших художников и великих и малых — «народников» в литературе, передвижников в живописи, «кулачеств» в музыке.

М. Горький.

Две силы наиболее успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука.

М. Горький.

СМЕНА

В номере:

Александр Яшин — Во имя счастья на земле.
Мир, дружба, единство. Они пойдут на фестивали.
Полна Каганова — В Германии. Сердце Шопена.
Юрий Черныш-Иденко — Космодемьянская.
А. Рейдекен — На лесной полосе.
И. Горелик — Вступлении в жизнь.
Г. Кулис — Памяти Карла Либиха.
А. Винокуров — Большой день.
С. Крутин — На мирных реках.
Виллис Ладис — К новому берегу.
В. Вахарев — Возвращение молодости.
В. Корнилов — Молодогвардейцы.
Юрий Марков — В Сталинград.
Во имя человека. Беседа с профессором А. А. Виноградским.
И. Сергеев — Они учатся побеждать.
П. Родионов — Вста на воду.
О. М. Марьяновский — Город велосипедов.
О. М. Сазкина — Душевский хор.
К. Зеленин — Поэма об армейской жизни.

ШАХМАТЫ

ПОБЕДИТЕЛИ И ПОЖЕДАННЫЕ

В Ленинграде, Баку, Свердловске и Львове проведены четыре полуфинальных соревнования на первенство СССР по шахматам. В этих соревнованиях участвовало восемьдесят человек.

По 134 очка набрали трое из четырех победителей полуфиналов: гроусейстер Василий Смыслов, игравший в Ленинграде, мастер Николай Новотный — в Баку, мастер Тигран Петросян — в Свердловске и 124 очка кандидат в мастера Юрий Сказков, игравший во Львове.

Случайно ли это совпадение? Конечно, нет. Это — свидетельство примерно равной силы участников всех полуфинальных групп, свидетельство необычайно упорной борьбы.

По условиям соревнований четыре победителя каждого полуфинала допускались к участию в финале. Характерно, что среди тех, кто будет оспаривать почетное звание чемпиона СССР, пятеро впервые выступили в столь ответственном турнире. Это мастера Николай Новотный (Грозный), Олег Моисев (Москва), Владимир Симагин (Москва) и кандидаты в мастера Юрий Сказков (Киев) и Евгений Терпугов (Москва).

Менее тем далеко не на всех местах оказались в полуфинальных и решающих шахматисты, как гроусейстеры Лилиенталь, Адлерштейн, Рогозин, Левенфиш, мастера Толуш, Макогонков, Кай и другие. Полуфинальные соревнования продемонстрировали творческие успехи советских шахматистов. Партии этих турниров насыщены яркими идеями, интересными замыслами, глубокими позициями.

Советская шахматная школа не признает шаблона и догм, доверяет идее и интуиции талантливых игроков. Наши шахматисты ищут и находят новое в теории и практике шахмат, создают своеобразные системы дебютного развития, смело ломают установленные каноны, ищут или новых позиций. В этом стремлении отражаются черты нового, советского человека, воспитанного социалистическим обществом, смелого новатора, волевого, настойчивого в достижении поставленной цели.

Заметных успехов за последнее время достиг молодой шахматист Евгений Терпугов. В полуфинальных соревнованиях на первенство СССР он выиграл разгромную норму мастера. На снимке: Е. Терпугов играет с гроусейстером В. Смысловым. Фото В. Федосеева

Нужно заметить, что наряду с чисто теоретической подготовкой успех в соревнованиях во многом решает и физическая подготовка. Некоторые молодые шахматисты считают, что для участия в шахматных турнирах совершенно необходимо быть асестором подготовленным спортсменом. Так ли это? Турнир с большим числом участников — серьезное испытание для каждого шахматиста. Выдержать такое испытание может лишь тот, кто постоянно занимается спортом.

Вот почему систематически занимаются различными видами спорта гроусейстеры Вотинник, Смыслов, Лотов, Керес, Броунштейн и многие другие наши шахматисты.

Второе место в ленинградском полуфинале занял ввиду за Смысловым молодой москвитинский шахматист кандидат в мастера Евгений Терпугов.

Аспирант Московского высшего технического училища имени Баумана Терпугов совсем недавно стал участником в ответственных соревнованиях. Упорно овладевая теорией шахмат, Терпугов освоил внима-

ние уделял изучению партий Чигорина — разносторонний спортсмен. Он увлекается волейболом, боксом. Хорошая физическая подготовка помогла ему отлично провести турнир в Ленинграде. На финише московский шахматист выиграл восемь партий подряд — результат, необычайный в соревнованиях такого масштаба.

В училище имени Баумана шахматная секция ведет большую работу. Здесь проводится интересные соревнования, организовано обучение новичков. Лучшей секции, её общественным инструментом является Евгений Терпугов.

Итак, определился состав участников XIX всесоюзного шахматного чемпионата, который состоится в Москве. В этом соревновании встретятся двадцать победителей полуфиналов и персонально приглашенные чемпионы мира Михаил Вотинник, чемпион СССР Павел Керес и гроусейстер Давид Бронштейн.

М. ЮДОВИЧ,
международный мастер по шахматам

На первой странице обложки: Пионерия. Фото В. Игнатовича.

На четвертой странице обложки: На горной дороге. Фото О. Франке.

Оформление номера В. Урина.

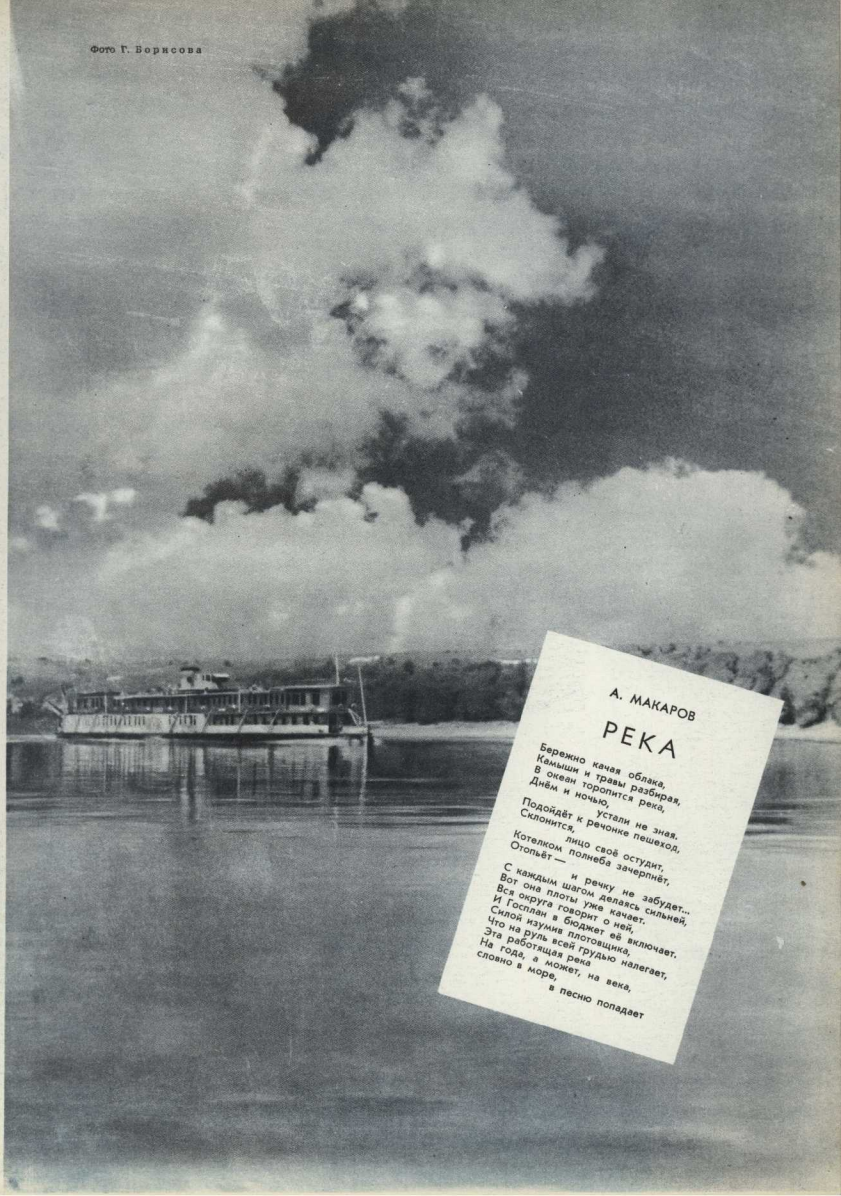
Ответственный редактор — А. Баранов.

Редакторы: В. Азиев, Г. Гуня, Е. Долматовский, Н. Жуков, А. Космодемьянский, Г. Кулис, М. Луконин, Н. Сморodin.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правда», 24. Тел. Д-3-34-24.

А04382. Подписано к печати 24/VI 1951 г. Заная № 1723. Тираж 120 000. Изд. № 392

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

А. МАКАРОВ

РЕКА

Бережно качая облака,
Камыши и травы разбирая,
В океан торопится река,
Днём и ночью,

Подойдёт к речонке пешеход,
Устали не зная,
Склонится, лицо своё остудит,
Котелком полнеба зачерпнёт,
Отопьёт —

и речку не забудет...
С каждым шагом делается сильней,
Вот она плоты уже качает,
Вся округа говорит о ней,
И Госплан в бюджет её включает,
Силой изумия плотовщика,
Что на руль всей грудью налегает,
Эта работающая река
На года, а может, на века,
словно в море,
в песню попадает

